

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 9

сентябрь 2020

«Историко-правовое наследие российской государственности свидетельствует о подготовке целого массива различных способов ограничения верховной власти, ключевым из которых является документирование подобного рода ограничений в основном законе страны — конституции»

Тресков А.П. «Принципы судебной власти в России: завершающий этап конституционного проектирования»

Стр. 46

- Судебная доктрина трудовых прав
- Обеспечение права на консультирование подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу
- Мелкое взяточничество: теория и практика правоприменения
- Теория «политической юриспруденции» в западном праве
- Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов как право государства
- Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издается ежемесячно.

№ 9/2020

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Небрятенко О.О. Судебная доктрина трудовых прав

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

9 Корякина З.И. Обеспечение права на консультирование подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу
14 Азарёнок Н.В., Камышин В.А. Значение изменений, внесенных в ст. 307 УК РФ, для производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела
21 Королев Г.Н. Мелкое взяточничество: теория и практика правоприменения

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

26 Мяханова А.Н., Дондокова М.Ю. О некоторых аспектах условно-досрочного освобождения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и пояснении Верховного народного суда КНР: сравнительно-правовой анализ
31 Кротов А.В. Теория «политической юриспруденции» в западном праве

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ

36 Писаревский И.И. Обоснованность и мотивированность приговора – необходимые составляющие права на судебную защиту в истолковании Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ
41 Кривенкова М.В. Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов как право государства

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

46 Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: завершающий этап конституционного проектирования
56 Латышева Н.А. Становление судебного администрирования как результат работы Всероссийских съездов судей
59 Романенко Н.В. Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования

Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» — инд. 85499,

«Почта России». Электронный каталог — П1774,

а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 26.08.2020.

Дата выхода в свет: 03.09.2020.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Иванов А.А., к.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., судья Европейского Суда по правам человека от РФ, д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 – юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 9/2020

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT ATTACHED THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 Nebratenko O.O. The Judicial Doctrine of Labor Rights

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

9 Koryakina Z.I. Enforcement of the Right to an Advice of a Suspect and an Accused in Pre-Trial Criminal Case Proceedings

14 Azarenok N.V., Kamyshin V.A. The Meaning of Changes Introduced in Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation for Carrying Out of a Forensic Examination Prior to Criminal Case Initiation

21 Korolev G.N. Petty Bribery: The Law Enforcement Theory and Practice

FOREIGN EXPERIENCE

26 Myakhanova A.N., Dondokova M.Yu. On Some Aspects of Release on Parole in a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and an Explanation of the Supreme People's Court of the PRC: A Comparative Legal Analysis

31 Krotov A.V. A Comparative Jurisprudence Theory in the Western Law

INTERNATIONAL COURTS

36 Pisarevskiy I.I. Sentence Justification and Substantiation as Required Components of the Right to Judicial Protection in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR

41 Krivenkova M.V. Non-Acknowledgment and Non-Fulfillment of Judgments of International Judicial Authorities as a Right of a State

THE JUDICIARY

46 Treskov A.P. Principles of the Judiciary in Russia: The Final Constitution Design Stage

56 Latysheva N.A. The Establishment of Judicial Administration as a Result of the Work of All-Russian Judiciary Conventions

59 Romanenko N.V. The Constitutional Law Status of Judges and Its Influence on Peculiarities of the Criminal Prosecution of Judges

Subscription in Russia:

Unified Catalogue. Russian Press – index 85499,
Russian Post. Digital Catalogue – П1774
and also through www.lawinfo.ru

Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.

Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.

Passed for printing: 26.08.2020.

Edition was published: 03.09.2020.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.

ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobry'nin K.E.', the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Ivanov A.A., PhD (Law), Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., Judge of the European Court of Human Rights
from the RF, LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF

OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov Eh.N., Platonova O.F., Trunchevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)

Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03;12.00.10;12.00.11; 12.00.15 – law science).

Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors or the Edito-
rial Staff shall be subject to legal prosecution.

Судебная доктрина трудовых прав

Небратенко Ольга Олеговна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Ростовского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
onebratenko@yandex.ru

Использование судебных доктрин в правоприменительной практике связывают, прежде всего, с деятельностью Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ (до его упразднения). В статье обосновывается актуальность исследований, направленных на изучение роли судебной доктрины в итоговых решениях Конституционного Суда РФ. На примере защиты трудовых прав демонстрируется их довольно широкое применение в качестве дополнительного источника (формы) права при условии отсутствия необходимой законодательной нормы. Судебная доктрина трудовых прав формируется и подвергается первичной классификации путем установления имплицитного (скрытого) содержания Конституции РФ, одновременного исключения тех положений, которые имеются в законодательстве, а также адаптации интерпретируемого массива к специфике понимания права граждан в сфере труда как комплексного права, слагаемого из различных правомочий.

Назначение судебной доктрины трудовых прав автор видит в систематизации и обобщении разрозненной судебной практики, носящей нормативный и прецедентный характер, обеспечении ее единого понимания на всей территории Российской Федерации и на всех уровнях судебной власти. Обращается внимание на более высокий статус судебной доктрины по сравнению с единожды примененным прецедентом, на основе которого она и формируется.

Ключевые слова: судебная доктрина, судебная практика, Конституционный Суд РФ, судебное истолкование, правоприменение, трудовые права.

The Judicial Doctrine of Labor Rights

Nebratenko Olga O.

Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

The use of judicial doctrines in law enforcement practice is primarily associated with the activities of the constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, and the Supreme Arbitration Court (before its abolition). The article substantiates the relevance of research aimed at studying the role of judicial doctrine in the final decisions of the constitutional Court of the Russian Federation. The example of labor rights protection demonstrates their fairly wide application as an additional source (form) of law in the absence of the necessary legislative norm. The judicial doctrine of labor rights is formed and subjected to primary classification by establishing the implicit (hidden) content of the Constitution of the Russian Federation, simultaneously excluding those provisions that exist in legislation, as well as adapting the interpreted array to the specifics of understanding the rights of citizens in the field of labor as a complex right composed of various powers.

The author sees the purpose of the judicial doctrine of labor rights in the systematization and generalization of disparate judicial practice, which has a normative and precedent character, ensuring its unified understanding throughout the Russian Federation and at all levels of the judiciary. Attention is drawn to the higher status of the judicial doctrine in comparison with the once-applied precedent, on the basis of which it is formed.

Keywords: judicial doctrine, judicial practice, the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial interpretation, law enforcement, labor rights.

Вопрос о целесообразности введения в правовое поле Российской Федерации судебной доктрины остается спорным и требующим внимательного изучения его проблематики. Судебную доктрину следует относить к разновидностям правовой доктрины. Отправной точкой официального появления в рамках правового

поля России судебных доктрин следует признать принятие Конституционным Судом России Постановления от 19 января 2017 г.¹, которое оговаривает особую роль

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения

судебных доктрин в практике противодействия уклонению уплаты от налогов². Несмотря на то что на законодательном уровне итоговые решения высших судов официально не признаются как судебная доктрина или судебный прецедент, однако рассматриваются нижестоящими судами в качестве стандарта применения и толкования права, устранения пробелов в праве, фактически приобретая прецедентное значение. Нарушающими единообразие в толковании и применении норм признаются судебные постановления, формулировки, смысл которых противоречит положениям постановлений Пленума и Президиума ВС РФ³. Согласно актам федерального органа конституционного правосудия от всех правоприменителей непременно требуется единообразное понимание и толкование норм⁴.

Все признают пользу кодификационной деятельности, только почему-то до сих пор не решена проблема разрозненности наработанной судебной практики, имеющей нормативный характер. Как следствие, множественность и громоздкость судебной практики, ведущие к сложностям ее применения, а также снижению эффективности судопроизводства. Российские ученые справедливо полагают, что настало время систематизации разрозненной судебной практики и даже создания единого акта — Государственной правовой доктрины РФ, куда бы вошли нормативные положения итоговых актов судов высшего

звена⁵. Как считает академик Б.Н. Топорнин, прежнего набора источников уже недостаточно, нужно рассмотреть в качестве источников права судебную практику и судебную доктрину⁶.

По справедливому мнению современных отечественных исследователей, само понятие правовой доктрины выходит на новый уровень, приобретая более гибкое содержание, становясь особой формой систематизации и доктринального обобщения судебной практики⁷. Основным назначением судебной доктрины, формируемой Конституционным Судом РФ, является создание единых стандартов правотворчества и правоприменения. Из имеющихся в научной литературе дефиниций судебной доктрины: типовых способов и приемов разрешения конкретных споров, многократного применения норм права⁸, совокупности прецедентов⁹, совокупности прецедентных подходов к решению правовых ситуаций¹⁰, предпочтение нужно отдать последним двум.

Учитывая авторитетное мнение М.Н. Марченко относительно отсутствия универсального явления под названием «прецедент», одинаково «приложимого» к любой национальной правовой системе, включая правовую систему России, или правовой семье, ориентируясь на особенности судейского права и судебного прецедента, имеющие место в каждой системе и семье¹¹, к судебному прецеденту следует относить применение судами (в нашем случае Конституционным Судом РФ) при рассмотрении спора ранее принятого

в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу „ОАО „Нефтяная компания „ЮКОС“ против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Неофициальное появление судебных доктрин в рамках российского правового поля оправданно связывают с деятельностью Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного Суда РФ (до его упразднения).

³ Абзац 8 п. 1 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР „О Государственной налоговой службе РСФСР“ и Законов Российской Федерации „Об основах налоговой системы в Российской Федерации“ и „О федеральных органах налоговой полиции“» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Чашин А.Н. Судебная доктрина как источник (форма) права // Евразийская адвокатура. 2016. № 5 (24). С. 70–78.

⁶ Колотова Н.В. Российское государство и право на рубеже тысячелетий // Государство и право. 2000. № 7. С. 5–14.

⁷ Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина как особая форма систематизации судебной практики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 233.

⁸ Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–122.

⁹ Мохов Р.М. Судебная доктрина как источник права // Политика. Экономика. Инновации. 2018. № 4 (21). С. 9.

¹⁰ Карнауков М.В. Недобросовестность налогоплательщика как судебная доктрина. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

¹¹ Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М., 2008. С. 113.

судебного решения по аналогичному делу. На прецедент в результате его многократного применения как часть доктрины, выполняющую функцию эффективного обобщения судебной практики, обращают внимание российские ученые¹². В иерархии правовых средств судебная доктрина имеет более высокий статус по сравнению с единожды примененным прецедентом. Суды общей юрисдикции, и не только, подкрепляют свои решения ссылками на правовую, в том числе судебную, доктрину с целью придания им большей значимости. К доктрине обращаются, когда обнаруживается неясность и требуется раскрыть содержание какой-либо нормы.

Существуют различные классификации судебных доктрин. Универсальным и востребованным классификационным основанием дифференциации судебных доктрин на виды являются права человека, в том числе трудовые права. Для выявления и конкретизации доктрины трудовых прав следует вычлнять такие положения, которых нет в текстах законов, с одной стороны, а с другой — осуществлять формирование общеобязательной конституционно-правовой интерпретации проверяемой нормы, вскрывая имплицитное (неявное) содержание Конституции РФ.

В сфере защиты трудовых прав значительное число решений Конституционного Суда РФ связано с интерпретацией норм трудового законодательства, закрепляющих положения о включении (невключении) в состав не превышающей минимального размера оплаты труда заработной платы работника иных выплат. Так, из Постановления Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г.¹³ следует, что работодатель гражданина С.Ф. Жарова, рассчитывая оплату труда, исходил из того, что ее размер, включая оклад и все выплаты, а не сам должностной оклад, должны быть больше минимального размера оплаты труда. Конституционный Суд

РФ в мотивировочной части своего решения сформулировал следующие доктрины:

— взаимосвязь минимального размера оплаты труда и вознаграждения за труд в форме минимума денежных средств с учетом прожиточного минимума;

— величина МРОТ определяется исходя из характеристик труда, свойственных любой трудовой деятельности, без учета особых условий ее выполнения¹⁴.

Продолжая осуществлять корректировку судебной практики и одновременно конституционно-правовую интерпретацию проверяемых положений, орган конституционного контроля в итоговом решении о начислении заработной платы без учета районного коэффициента и процентной надбавки выводит доктрину осуществления оплаты труда в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях в повышенном размере по сравнению с оплатой идентичного труда, выполняемого в нормальных климатических условиях¹⁵. Идентичный подход

¹⁴ Там же.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 2009 г. № 1160-О-О «По жалобе граждан Миткалева Виталия Александровича, Хисаевой Лилии Исмагиловны и Юмагулова Марса Расульевича на нарушение их конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 2 Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „О минимальном размере оплаты труда“ и другие законодательные акты Российской Федерации» ; Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 1557-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Барахтенко Марии Николаевны на нарушение ее конституционных прав Федеральным законом „О внесении изменений в Федеральный закон „О минимальном размере оплаты труда“ и другие законодательные акты Российской Федерации» ; Определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2010 г. № 162-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Усть-Куломского районного суда Республики Коми о проверке конституционности статей 129, 130 и 133 Трудового кодекса Российской Федерации» ; Определение Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2013 г. № 327-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Федоренко Светланы Александровны на нарушение ее конституционных прав обыкновением правоприменительной практики, сложившейся в результате применения положений статей 129 и 133 Трудового кодекса Российской Федерации и Федерального закона „О внесении изменений в Федеральный закон „О минимальном размере оплаты труда“, и другие законодательные акты Российской Федерации» ; Постановление Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133,

¹² Романова Е.В. Судебная доктрина в системе источников налогового права США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 8 ; Тарибо Е.В. Указ. соч. С. 122.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Жарова» // СПС «КонсультантПлюс».

находит отражение в постановлениях Верховного Суда РФ и нижестоящих судов общей юрисдикции. В то же время нельзя не отметить, что долгое время правоприменительная практика не видела нарушения прав работника, трудящегося в сложных климатических условиях, если только его заработная плата вместе с районным коэффициентом была выше минимального размера оплаты труда¹⁶. Это может говорить лишь об отсутствии единства судебной практики. Осуществленная Конституционным Судом РФ проверка норм Трудового кодекса РФ призвана выявить конституционно-правовой смысл проверяемых нормативных актов или их отдельных положений, тем самым исключив любое иное, отличное от него истолкование, осуществленное каким-либо правоприменителем. Суть такого истолкования в том, что районные коэффициенты и процентные надбавки в районах Крайнего Севера и приравненных местностях не должны быть в составе минимального размера оплаты труда¹⁷.

Выявляя конституционно-правовой смысл положения об обязанности предоставления в службу занятости всех документов из закрепленного перечня для регистрации граждан, ищущих работу, Конституционный Суд РФ выводит две доктрины:

1) при реализации безработными гражданами права на защиту запрещается кому бы то ни было создавать им необоснованные затруднения, отсюда следует, что оправдать истребование документов органами службы занятости возможно лишь необходимою надлежащего осуществления возложенных на них функций;

2) безработным гражданам обеспечиваются меры государственной поддержки¹⁸.

частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.С. Григорьевой, О.Л. Дейдей, Н.А. Капуриной и И.Я. Кураш // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 августа 2016 г. № 72-КГ16-4 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 сентября 2016 г. № 51-КГ16-10. URL: <https://legalacts.ru/>

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 24-П «По делу о проверке

Определяя критерии подходящей работы и размер пособия по безработице¹⁹, законодатель, используя дискреционные полномочия, предусматривает специальное правовое регулирование, а Конституционный Суд РФ, выявляя конституционно-правовой смысл норм, ставших предметом рассмотрения в рамках конституционного судопроизводства, создает условия для реализации доктрины определения критериев подходящей работы и размера пособия по безработице, основанной на объективных критериях, таких как отсутствие (наличие) предшествующей трудовой деятельности или продолжительность перерыва в трудовой деятельности²⁰.

конституционности положений статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского» ; Постановление Конституционного Суда РФ от 8 октября 2019 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Речь идет о гражданах, прекративших индивидуальную предпринимательскую деятельность, а также лицах, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более 1 года перерыва).

²⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 559-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Насуленко Григория Ивановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 22 статьи 1 Федерального закона от 10 января 2003 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам финансирования мероприятий по содействию занятости населения» ; Определение Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2011 г. № 550-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Хорхординой Людмилы Валентиновны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 1 статьи 30, пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» ; Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 1002-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ховановой Татьяны Александровны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым пункта 3 статьи 4 и пунктом 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» ; Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фурсова Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 28 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О за-

В деле гражданки М.В. Трофимовой обжалуются положения трудового законодательства, регламентирующие вопрос о сохранении за уволенными работниками по причине ликвидации организации средней месячной зарплаты на период трудоустройства в течение двух месяцев при условии, что когда осуществлялась запись в едином государственном реестре юридических лиц о прекращении деятельности организации, у заявителя еще не возникло право на данную гарантию (гражданка находилась в отпуске по уходу за ребенком и была уволена после утверждения ликвидационного баланса). Конституционный Суд РФ признал данную норму противоречащей Конституции РФ в той мере, в какой она не дает возможности воспользоваться этой гарантией тем работникам, которые приобрели на нее право после прекращения деятельности работодателя, и сформулировал следующие доктрины:

— признание того, что труд работника (в рамках трудового договора) организуется, применяется и управляется в интересах работодателя²¹;

— запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях²², необходимый для

нотности населения в Российской Федерации“; и др.; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 24-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 8 октября 2019 г. № 31-П // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона „Об акционерных обществах“ в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации „О занятости населения в Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Н.И. Гуцина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2018 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Трофимовой» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона „О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей“ в связи с жалобами граждан А.С. Стах

сохранения средней зарплаты в течение 2 месяцев. К тому же не имеет значения время, прошедшее со дня увольнения до прекращения деятельности организации-работодателя, применительно к работникам, уволенным как после завершения всех этапов ликвидации, то есть, когда уже не к кому предъявить подобное требование, так и к работникам, которых предупредили о ликвидации юридического лица согласно закону, заблаговременно, за два месяца до таковой.

В сфере пенсионного обеспечения, развивая и конкретизируя общее, оговоренное выше предписание, Конституционный Суд РФ постановляет правоприменителю несколько доктрин: а) запрет вводить различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории; б) запрет ставить в зависимость право обучающихся в иностранных образовательных учреждениях по очной форме на получение пенсии в случае смерти кормильца от способа поступления в иностранное образовательное учреждение (самостоятельно или по направлению)²³.

и Г.И. Хваловой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2007 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 14 статьи 15 Федерального закона „О статусе военнослужащих“ и пункта 8 Правил выпуска и погашения государственных жилищных сертификатов в рамках реализации подпрограммы „Государственные жилищные сертификаты“ на 2004–2010 годы, входящей в состав федеральной целевой программы „Жилище“ на 2002–2010 годы, в связи с жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 2012 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 2 и 4 части второй статьи 19 Закона Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“ в связи с жалобой гражданки Т.С. Чаплыгиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 2018 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения части четвертой статьи 14 Закона Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“ в связи с жалобой гражданки В.Н. Фоминой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2018 г. № 45-П // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 ноября 2009 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта „а“ части третьей статьи 29 Закона Российской Федерации „О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических

В отношении лиц, лишившихся кормильца и при этом обучающихся по очной форме, до завершения процесса обучения устанавливается доктрина поддержки со стороны государства, а сами они приравниваются к числу нетрудоспособных членов семьи умершего кормильца²⁴.

Из доктрины равного обращения с лицами, находящимися в равных условиях, применительно к принятию работодателем необходимых кадровых решений по подбору, расстановке и увольнению работников²⁵ национальный судебный

средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», пункта 3 статьи 57 Закона Российской Федерации «Об образовании» и подпункта 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.С. Лапы; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2017 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с запросом Кузнецкого районного суда Пензенской области» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Там же.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2018 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Карнаухов М.В. Недобросовестность налогоплательщика как судебная доктрина / М.В. Карнаухов. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. 115 с.
2. Колотова Н.В. Российское государство и право на рубеже тысячелетий / Н.В. Колотова // Государство и право. 2000. № 7. С. 5–14.
3. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина как особая форма систематизации судебной практики / Д.Ю. Любитенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 10. С. 233–237.
4. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М.Н. Марченко. Москва : Проспект, 2008. 510 с.
5. Мохов Р.М. Судебная доктрина как источник права / Р.М. Мохов // Политика, экономика и инновации. 2018. № 4 (21). С. 1–25.
6. Романова Е.В. Судебная доктрина в системе источников налогового права : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Романова. Москва, 2012. 23 с.
7. Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации / Е.В. Тарибо // Право и политика. 2005. № 2. С. 118–122.
8. Чашин А.Н. Судебная доктрина как источник (форма) права / А.Н. Чашин // Евразийская адвокатура. 2016. № 5 (24). С. 70–78.

орган конституционного контроля приходит к выводу о необходимости оценивания соответствия выполняемой работы лиц, занимающих одинаковые должности, на основании одинаковых критериев и с учетом результатов профессиональной деятельности, формируя в качестве обоснования своей позиции подход, согласно которому в сфере образования, в том числе дошкольного, нет необходимости руководствоваться формальными критериями, требованим о необходимом уровне профессионального образования. Учитывать, прежде всего, следует деловые качества и длительность осуществления профессиональной педагогической деятельности конкретного сотрудника.

Итогом сказанного является констатация наличия огромного массива итоговых решений, принятых Конституционным Судом РФ, касающихся защиты прав и свобод граждан, в том числе трудовых прав. Формулирование судебных доктрин способствует систематизации и доктринальному обобщению наработанных федеральным органом конституционного контроля правовых позиций, позволяя правосудию проявлять гибкость и учитывать особенности каждого дела, формированию единых стандартов правотворчества и правоприменения, что может быть успешно реализовано лишь при условии недопустимости применения нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, отличном от выведенного Конституционным Судом РФ.

Обеспечение права на консультирование подозреваемого и обвиняемого в досудебном производстве по уголовному делу

Корякина Зинаида Ивановна,

доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета Северо-Восточного
федерального университета имени М.К. Аммосова,
кандидат юридических наук
z_koryakina@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические, нормативно-правовые и практические аспекты обеспечения и реализации порядка консультирования в ходе участия адвоката и его подзащитного в процессуальных действиях, проводимых в досудебном уголовном судопроизводстве. Акцентируется внимание на проблемных вопросах, в частности, о том, что в процессуальном регулировании не в полной мере учитываются права подозреваемого и обвиняемого как лица, нуждающегося в получении квалифицированной юридической помощи, в рамках его консультирования. В этой связи в статье предлагается новый процессуальный порядок обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на консультирование в ходе его участия в следственном и ином досудебном процессуальном действии.

Ключевые слова: досудебное уголовное судопроизводство, следственное действие, объяснение, подозреваемый, обвиняемый, право на защиту, защитник, консультация, квалифицированная юридическая помощь.

Enforcement of the Right to an Advice of a Suspect and an Accused in Pre-Trial Criminal Case Proceedings

Koryakina Zinaida I.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Law Faculty of the M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
PhD (Law)

The article examines the theoretical, regulatory and practical aspects of ensuring and implementing the procedure for consulting during the participation of a lawyer and his client in procedural actions carried out in pre-trial criminal proceedings. Attention is focused on problematic issues that indicate that procedural regulation does not fully take into account the rights of the suspect and the accused, as the main person in need of qualified legal assistance within the framework of his consulting. In this regard, the article proposes a new procedural procedure for ensuring the right of the suspect, the accused, to consult during his participation in the investigative and other procedural actions.

Keywords: pre-trial criminal proceedings, investigative action, explanation, suspect, accused, right to defense, defense lawyer, consultation, qualified legal assistance.

Одним из эффективных правовых средств, призванных обеспечивать реализацию права на защиту при производстве по уголовному делу, является использование предусмотренного ч. 2 ст. 53 УПК РФ порядка консультирования. Особенно важны консультации перед производством следственных и иных процессуальных действий, результаты которых связаны с дачей показаний (объяснений) по уголовному делу. Право на консультирование является одним из основных элементов процесса

реализации права на защиту подозреваемого и обвиняемого. Поскольку именно через это принципиальное положение пронизана вся совокупность основополагающих правовых ценностей, гарантирующих защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Консультирование как процесс дачи и получения юридической помощи в виде устного либо письменного общения между защитником и подзащитным

регламентировано в УПК РФ не в полном объеме.

В правах подозреваемого, обвиняемого, установленных УПК РФ, не закреплено права на получение консультаций у защитника. Вместе с тем данное право, исходя из своей сути, поглощено другими правами. Например, правом подозреваемого или обвиняемого пользоваться помощью защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) либо правом на свидание с ним (п. 9 ч. 4 ст. 47, п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Во взаимосвязи с последним право на консультирование ограничено по продолжительности до 2 час. (ч. 4 ст. 92 УПК РФ) и охвачено только одним процессуальным действием — до первого допроса в качестве подозреваемого. Процесс получения объяснений подозреваемого не включен в этот порядок. В этой связи требование подозреваемого о предоставлении свидания для получения консультаций у адвоката перед дачей объяснения может быть проигнорировано. И это несмотря на то что объяснения прочно вошли в уголовно-процессуальный порядок получения сведений, имеющих значение по уголовному делу, например, при сокращенном дознании (п. 2 ч. 4 ст. 226.5 УПК РФ). Более того, если в УПК РФ закреплено право подозреваемого давать объяснения либо отказаться от этого (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), то вполне закономерно, чтобы одно из этих решений подлежало согласованию с адвокатом. В этой связи считаем, что дача и получение объяснений подлежат охвату порядком обеспечения права на консультирование в рамках свидания с адвокатом (защитником).

Право на консультирование, в отличие от прав лиц, подлежащих защите, четко оговорено в полномочиях адвоката-защитника (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). Из этого следует, что право давать консультации является прерогативой адвоката, а не самого нуждающегося в правовой помощи подозреваемого и обвиняемого. Таким образом, по смыслу приведенной нормы определение не-

обходимости в консультировании подозреваемого, обвиняемого отводится усмотрению адвоката. На наш взгляд, такое процессуальное регулирование является не совсем верным.

Само консультирование по праву считается одним из основных и наиболее часто используемых полномочий в деятельности адвоката. Процессуалисты в своих трудах правильно отмечают, что «консультация — это процесс взаимодействия адвоката и доверителя по поводу проблемы последнего с целью выявления возможных правовых вариантов ее решения и их последствий, уяснения путей и способов реализации выбранного варианта»¹, а само консультирование — это «оказание неравнодушной помощи подозреваемому или обвиняемому в виде советов, рекомендаций о выборе наиболее эффективной линии поведения, о том, чтобы воздерживаться от одних ответов, действий, утверждений, доказательств, ходатайств и придерживаться других»².

Прибегая к консультированию, защитник и его подзащитный получают реальную возможность обсудить имеющие значение для осуществления защиты процессуальные обстоятельства и обусловленную ими оптимальную позицию своего поведения. Предметом консультации, в соотношении с ч. 2 ст. 53 УПК РФ, может являться только актуальная для данного следственного действия юридическая информация, которая должна быть озвучена защитником и разъяснена подозреваемому, обвиняемому за короткий промежуток времени в присутствии следователя (дознателя). Вместе с тем, в отличие от конфиденциального, открытое консультирование, по справедливому замечанию процессуалистов, создает

¹ Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 37.

² Селина Е.В., Ястребов О.Я. Адвокатская деятельность в системе мер обеспечения права на защиту от уголовного преследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 5. С. 27.

объективные препятствия в сохранении адвокатской тайны³. В силу профессионального противостояния возможны также случаи, когда следователь необоснованно вмешивается в ход консультирования и нарушает его целостность. Адвокату в таких случаях, безусловно, следует заявлять возражения против подобных действий при наличии к тому оснований.

В УПК РФ не содержится предписаний относительно того, вправе ли защитник и его подзащитный ходатайствовать о конфиденциальности консультирования, либо, например, о перерыве в следственном действии для ее реализации. Считаем, что некоторая категория подзащитных, например несовершеннолетний, в силу своего возраста особенно часто нуждается как в самом консультировании, так и в обеспечении необходимых условий для общения со своим защитником. Особенно важны консультации на первом допросе несовершеннолетнего в качестве подозреваемого либо обвиняемого, когда недостаточно двух часов (по подозреваемому ч. 4 ст. 92 УПК РФ) для этого либо допрос проводится незамедлительно после предъявления обвинения (ч. 1 ст. 173 УПК РФ).

Проводя консультации, защитник координирует (направляет) процессуальное поведение подзащитного, ориентирует его в нормах закона, с которыми согласуется позиция защиты, разъясняет права с точки зрения их использования в интересах защиты, порядок и иные организационные вопросы следственного действия и его роли в нем, прогнозирует развитие процессуальных событий и т.д.⁴ В связи

с тем, что УПК РФ не предусматривает для подозреваемых, обвиняемых права инициировать консультирование в ходе следственных действий, реализация данного права зависит не от их усмотрения. Следовательно, право на получение консультаций у своего защитника не разъясняется, а предоставляемое право на свидание с ним в конфиденциальных условиях ограничено периодом «до первого допроса». Если консультирование подозреваемого, обвиняемого по делу проводится практически в любых ситуациях, то свидание имеет сугубо разрешительный характер, предполагает встречу адвоката со своим подзащитным в особых условиях (например, изоляции)⁵. Таким образом, особую актуальность и значимость консультирование получает в тех случаях, когда подозреваемый либо обвиняемый находится в условиях мер пресечения, связанных с изоляцией от общества.

О возможности получить консультации в ходе следственного действия подозреваемый, обвиняемый может узнать при разъяснении ему права на пользование помощью защитника, а также при разъяснении прав защитнику в порядке ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Тем не менее в силу профессионального статуса, т.е. юридического образования защитника, такое разъяснение для него может и не состояться. Поэтому в целях надлежащего обеспечения права на защиту в ходе проведения следственного действия считаем нужным предусмотреть для подозреваемого и обвиняемого в соответствующих статьях УПК РФ право на получение консультаций у адвоката-защитника. Их общее количество не должно подвергаться каким-либо ограничениям, вместе с тем продолжительность может устанавливаться согласно правилам ч. 2 ст. 53 УПК РФ как кратковременная.

³ См., напр.: Манова Н.С. Адвокатская тайна при производстве по уголовному делу // Эволюция государства и права: история и современность: материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (г. Курск, 25–27 мая 2017 г.): сб. науч. ст.: в 3 т. / отв. ред. С.Г. Емельянов. Курск: Университетская книга, 2017. Т. 1. С. 393.

⁴ См., напр.: Устинов Д.С. Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения,

принимаемые по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 242 с.

⁵ Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 32.

Консультирование подозреваемого, обвиняемого должно быть представлено в УПК РФ как одно из наиболее доступных средств и способов реализации права на защиту в ходе производства по уголовному делу. Ограничение в его обеспечении, в том числе на конфиденциальной основе, должно иметь реальные основания, в ином случае это может означать нарушение права на защиту и оцениваться как искусственно созданное препятствие в реализации квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ), может повлечь за собой отказ от дачи показаний. Адвокату следует заявлять возражения против подобных действий следователя, дознавателя при наличии к тому оснований.

Если после консультации со своим защитником подозреваемый, обвиняемый желает уточнить свои показания, то следователь (дознаватель) обязан отразить озвученные им уточнения в протоколе следственного действия. Подозреваемый, обвиняемый вправе уточнять, дополнять, изменять свои показания в любой момент производства по уголовному делу. Если для консультирования необходима конфиденциальная обстановка, то защитник и его подзащитный могут дожидаться, например, предусмотренного законом (ч. 3 ст. 187, ч. 1 ст. 425 УПК РФ) перерыва в следственном действии либо заявить ходатайство о проведении консультации в такой обстановке.

В ходе проведения следственного действия сторона защиты вправе потребовать от следователя объявить перерыв для обращения с жалобой на его действия⁶ «для выработки совместной с подзащитным позиции, а в случае отказа — покидают следственное действие, если считают это выгодным»⁷. Свою

⁶ Фомин А.Н. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ, 2004. С. 140.

⁷ Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ: учебно-практическое пособие. М.: Изд. дом И.И. Шумиловой, 2005. С. 97.

точку зрения по этому поводу выразил Р.Д. Лисицин. Он, в частности, считает, что «в ходе предварительного расследования следователь имеет право заранее указать защитнику на то, что последний должен задавать вопросы допрашиваемым лицам только с его разрешения, а, кроме того, он может, не нарушая право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, отказать защитнику в предоставлении свидания с подзащитным во время проведения следственного действия, если до его начала защитнику была предоставлена возможность встретиться с подзащитным»⁸. Соглашаясь в целом с такими доводами, О.В. Вишневская настаивает на том, что консультация подзащитного со своим защитником не должна прерывать следственного действия⁹.

Между тем ч. 3 ст. 47 УПК РФ предоставляет обвиняемому право иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. В отличие от судебного, данное право в досудебном производстве не содержит реальных условий для обеспечения. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», если суд признает, что времени для подготовки к защите было предоставлено недостаточно, а также в иных случаях по просьбе обвиняемого суд объявляет перерыв в судебном заседании либо откладывает его на определенный срок. В этой связи считаем нужным закрепить в УПК РФ право инициирования перерыва, в том числе и участниками стороны защиты.

⁸ Лисицин Р.Д. Что делать следователю, если защитник не явился на допрос // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 16.

⁹ Вишневская О.В. О расширении полномочий защитника в стадии предварительного расследования // Федеральное законодательство об адвокатуре. Практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 13 июля 2004 г.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004. С. 67.

Таким образом, на основании изложенного считаем возможным предложить следующие дополнения в УПК РФ:

1. Дополнить ч. 2 ст. 53 УПК РФ в следующей редакции: «2. При консультировании своего подзащитного адвокат вправе, при наличии к тому оснований, заявлять письменные возражения против действий следователя или дознавателя, которые приобщаются к материалам уголовного дела».

2. Дополнить ст. 187 ч. 4.1 УПК РФ в следующей редакции: «1. Кратковременный перерыв также может быть разрешен следователем, дознавателем в

целях обеспечения права на дачу и получение консультации в конфиденциальной обстановке по инициативе (ходатайству) защитника или подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе».

3. Изложить п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ в следующей редакции: «пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 2–3.1 части третьей статьи 49 настоящего Кодекса, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до получения объяснения либо первого допроса подозреваемого».

Литература

1. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под редакцией Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. Москва : Волтерс Клувер, 2006. 338 с.
2. Вишневская О.В. О расширении полномочий защитника в стадии предварительного расследования / О.В. Вишневская // Федеральное законодательство об адвокатуре. Практика применения и проблемы совершенствования : материалы Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 13 июля 2004 г.) : сборник научных статей. Екатеринбург : Уральский государственный ун-т им. А.М. Горького, 2004. С. 67–72.
3. Громов Н.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ : учебно-практическое пособие / Н.А. Громов, С.А. Курушин. Москва : Изд. дом И.И. Шумиловой, 2005. 135 с.
4. Лисицин Р.Д. Что делать следователю, если защитник не явился на допрос / Р.Д. Лисицин // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 16–21.
5. Манова Н.С. Адвокатская тайна при производстве по уголовному делу / Н.С. Манова // Эволюция государства и права: история и современность : материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета (г. Курск, 25–27 мая 2017 г.). В 3 томах. Т. 1 : сборник научных статей / ответственный редактор С.Г. Емельянов. Курск : Университетская книга, 2017. С. 393–396.
6. Рагулин А.В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики / А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 31–40.
7. Селина Е.В. Адвокатская деятельность в системе мер обеспечения права на защиту от уголовного преследования / Е.В. Селина, О.Я. Ястребов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 5. С. 27–32.
8. Устинов Д.С. Поведенческая характеристика обвиняемого и ее влияние на решения, принимаемые по уголовному делу : диссертация кандидата юридических наук / Д.С. Устинов. Саратов, 2015. 242 с.
9. Фомин А.Н. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство) / А.Н. Фомин. Москва : Юрлитинформ, 2004. 536 с.

Значение изменений, внесенных в ст. 307 УК РФ, для производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела

Азарёнок Николай Васильевич,
доцент кафедры уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент
Azarenok_96@mail.ru

Камышин Владимир Анатольевич,
доцент кафедры криминалистики
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент
advocat99@mail.ru

В статье рассматривается влияние изменений, внесенных в 2 декабря 2019 г. в ст. 307 УК РФ, на производство судебной экспертизы в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении. На основе анализа действующего механизма уголовно-процессуального регулирования данного следственного действия и позиций ученых относительно существа рассматриваемого вопроса выявляются его достоинства и недостатки. Отмечается, что они напрямую влияют на востребованность судебной экспертизы на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: заключение и показания эксперта и специалиста, судебная экспертиза, исследование специалиста, возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, досудебное производство.

The Meaning of Changes Introduced in Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation for Carrying Out of a Forensic Examination Prior to Criminal Case Initiation

Azarenok Nikolay V.
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Ural State Law University
PhD (Law), Associate Professor

Kamyshin Vladimir A.
Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Ural State Law University
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the impact of changes made in December 2, 2019 in article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation on the production of forensic expertise before the initiation of criminal proceedings. Based on the analysis of the current mechanism of criminal procedure regulation of this investigative action and the positions of scientists on the substance of the issue under consideration, its advantages and disadvantages are revealed. It is noted that they directly affect the demand for forensic expertise at the initial stage of criminal proceedings.

Keywords: conclusion and testimony of an expert and specialist, forensic examination, research of a specialist, initiation of a criminal case, pre-investigation check, pre-trial proceedings.

В декабре 2019 г. в ст. 307 УК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми вместо «предварительного расследования», «предварительного следствия» и «дознания» стало использоваться понятие «досудебное производство»¹.

¹ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Поэтому если ранее в рассматриваемой статье речь шла только о стадии предварительного расследования, то теперь о досудебном производстве в целом, под которым в уголовном процессе понимается уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ).

В результате законодатель распространил уголовную ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод на стадию возбуждения уголовного дела. Представляется, что обозначенные положения будут иметь определенные последствия для практики уголовного судопроизводства.

Так, одним из главных итогов редакции ст. 307 УК РФ является окончательное решение давнего вопроса о допустимости судебной экспертизы до начала предварительного расследования и признания полученного таким образом заключения эксперта доказательством по уголовному делу². Напомним, что изначально УПК РФ в 2001 г. на этом этапе допускал лишь одно следственное действие — осмотр места происшествия (ч. 2 ст. 178 УПК РФ). При этом ч. 4 ст. 146 УПК РФ содержала оговорку о том, что к постановлению о возбуждении уголовного дела прилагаются материалы проверки сообщения о преступлении, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего (осмотр места происшествия, освидетельствование, **назначение судебной экспертизы**), — соответствующие протоколы и постановления. Однако на практике освидетельствование и судебная экспертиза в стадии возбуждения уголовного дела так и не получили своего распространения, поскольку в ч. 1 ст. 144 УПК РФ и в нормах особенной части Кодекса о них не было сказано ни слова. Кроме этого, не ясно было, можно ли проводить или только назначать судебную экспертизу? Впоследствии данная оговорка и вовсе была исключена из ч. 4 ст. 146 УПК РФ, что явилось следствием ее «нерабочего» характера³.

² Так, одним из сторонников производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела был выдающийся отечественный криминалист Р.С. Белкин. См. подр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации: в 3 т. М.: Юрист, 1997. Т. 3. С. 100–107.

³ Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

Вместе с тем признаки целого ряда преступлений (например, предусмотренных ст. 111–115, 222, 222.1, 228, 228.1 УК РФ и др.) не могут быть установлены в достаточных для возбуждения уголовного дела пределах без производства различного рода исследований. Поэтому в 2010 г. ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена такими проверочными действиями, как **исследования документов, предметов, трупов**, а также привлечение к ним специалистов⁴.

Так, у правоприменителя появилась возможность поручать специалисту соответствующие исследования, по результатам которых принималось одно из предусмотренных ст. 145 УПК РФ решений. При этом полученная таким образом справка или акт до сих пор самостоятельным доказательством по уголовному делу не является (ввиду отсутствия у специалиста уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ) и потому нуждается впоследствии в подтверждении уже судебной экспертизой. Вместе с тем для решения вопроса о наличии оснований для возбуждения либо отказе в возбуждении уголовного дела указанного процессуального документа хватает, поскольку в ч. 2 ст. 140 УПК РФ говорится о достаточности данных, а не доказательств, указывающих на признаки преступления. Как раз под категорию «данных» исследование специалиста и попадает. По мнению О.В. Сидоренко, использование исследований «выгодно из-за малых сроков и упрощенной процедуры их проведения, а с другой стороны, объекты, частично или полностью разрушенные в процессе исследования, позже не могут быть изучены в рамках судебной экспертизы, проводимой по тем же обстоятельствам»⁵. Стоит отметить, что в последнем случае следователь может не проводить подобное исследование,

⁴ Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁵ Сидоренко О.В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 119.

а собрать по возможности из иных источников сведения, достаточные для принятия процессуального решения по материалам проводимой им проверки.

В 2013 г. законодатель вновь вернулся к вопросу о «прописке» судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела⁶. В частности, ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена указанием на право дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа **назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок**. Появление экспертизы повлекло за собой также возможность сбора для нее соответствующих образцов на данном этапе уголовного судопроизводства. При этом в отличие от первой попытки отнесения экспертизы к доследственной проверке сообщения о преступлении, предпринятой в УПК РФ 2001 г., в этот раз изменения были более существенными и последовательными.

Так, вместо вышеизложенной оговорки, ранее содержащейся в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, регламентирующей возбуждение уголовного дела публичного обвинения, экспертиза вместе с получением образцов для сравнительного исследования появилась в профильной статье, посвященной порядку рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Понимая, что одного этого недостаточно для практической реализации задуманного, поскольку правоприменитель действует императивно, т.е. так, как прямо предусмотрено УПК РФ, и отступление от требований последнего влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ч. 3 ст. 7 УПК РФ), законодатель внес соответствующие изменения в «рабочие» нормы Кодекса. В частности, ч. 4 ст. 195 УПК РФ «Порядок назначения судебной экспертизы» стала напрямую разрешать не только назначать, но и проводить данное следственное действие до возбуждения уголовного дела. Далее, согласно ч. 1 ст. 202 УПК РФ получение образцов

для сравнительного исследования также стало возможно до возбуждения уголовного дела. При этом здесь же специально указывается на их отбор в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ «у иных физических лиц и представителей юридических лиц», т.е. учтена специфика субъектного состава уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе.

Кроме этого, была снята неопределенность с вопросом о том, можно ли вынести само постановление о назначении судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Так, до декабря 2015 г. следователю было проблематично выполнить требование ч. 1 ст. 195 УПК РФ, согласно которому о назначении судебной экспертизы выносится соответствующее постановление, поскольку в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ данное решение возможно лишь в ходе предварительного расследования. Из-за несогласованности указанных норм УПК РФ следователь оказывался в затруднительном положении, поскольку в одном случае ему разрешалось назначение судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ч. 4 ст. 195 УПК РФ), тогда как в другом нет (п. 25 ст. 5 УПК РФ). С целью исправления данной ситуации законодатель заменил в п. 25 ст. 5 УПК РФ «предварительное расследование» на «досудебное производство»⁷. Поэтому на сегодняшний день вышеназванные предписания закона соответствуют друг другу и позволяют следователю в ходе доследственной проверки выносить постановление о назначении судебной экспертизы.

Таким образом, обозначенные изменения, по сути, разрешили эксперту по назначению правоприменителя проводить судебную экспертизу при проверке сообщения о преступлении. При этом последним камнем преткновения, ставшим на пути признания такого заключения доказательством, было отсутствие у эксперта уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения в стадии возбуждения уголовного дела. Справедливо указывает на это

⁶ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

⁷ Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // СПС «Гарант».

А.А. Зайцев: «...реализация требований о разъяснении эксперту, проводящему судебную экспертизу в рамках материала проверки сообщения о преступлении, его прав и обязанностей, предусмотренных статьей 57 УПК РФ, а также предупреждения последнего об уголовной ответственности по статье 307 УПК РФ за дачу заведомо ложного заключения, являются противоречивыми, поскольку возможны только в случае проведения судебной экспертизы по возбужденному уголовному делу»⁸. В итоге из-за несогласованности положений УК РФ и УПК РФ результаты такой судебной экспертизы не могли использоваться в качестве доказательства как в предварительном расследовании, так и в судебном разбирательстве.

Представляется, что во многом из-за этого законодатель в декабре 2019 г. распространил действие ст. 307 УК РФ на досудебное производство в целом. Так, из приведенного в ст. 307 УК РФ перечня доказательств только заключение эксперта имеет уголовно-процессуальный механизм реализации в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому после данных изменений не осталось никаких юридических препятствий не только для производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, но и для признания впоследствии ее результатов доказательством по делу.

Означает ли это, что теперь судебная экспертиза полностью заменит исследование специалиста при проверке сообщений о преступлениях и станет таким же востребованным проверочным действием, как, например, осмотр места происшествия? Полагаем, что ответ на этот вопрос с течением определенного времени может дать только формирующаяся практика. Прошедших с декабря 2019 г. полгода для этого явно недостаточно. Вместе с тем уже сейчас на основе формально-юридического анализа сложившейся ситуации можно

попытаться спрогнозировать, как будут развиваться события. Представляется, что на это напрямую будут влиять, с одной стороны, преимущества, которые дает судебная экспертиза правоприменителю, а с другой — недостатки действующего механизма уголовно-процессуального регулирования данного следственного действия.

Так, одним из несомненных достоинств производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела является значительная экономия сроков будущего расследования. Не секрет, что в большинстве случаев среди оснований их продления фигурирует как раз необходимость назначения и производства такого рода исследований (например, по преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности, предусмотренным главой 25 УК РФ и др.). Ситуация для следователей усложняется, если таких экспертиз несколько, и они не могут быть проведены одновременно, а требуется последовательное экспертное изучение материалов (например, почерковедческая и судебно-техническая экспертизы). Очевидно, что в обозначенных условиях правоприменитель охотно будет пользоваться предоставленной ему УПК РФ возможностью производства данного следственного действия до возбуждения уголовного дела. Еще одним стимулирующим фактором в рассматриваемом положении является то, что ответственное должностное лицо при назначении судебной экспертизы не встретит здесь противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства, в том числе уголовно преследуемого лица и его защитника, ввиду их формального отсутствия. Это также значительно упрощает ситуацию, складывающуюся с экспертизой.

И, наконец, немаловажным для следователя является то, что в результате в его распоряжении оказывается полностью легитимное доказательство — заключение эксперта, позволяющее ему сразу же после возбуждения уголовного дела начать эффективное уголовное преследование лица, вплоть до предъявления ему обвинения. Для практических работников это является огромным преимуществом, в том числе, например, при решении вопроса об избрании определенной меры пресечения.

⁸ Зайцев А.А. Проблемы нарушения прав граждан при назначении судебных экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 15–16 марта 2019 г.) : сб. науч. ст. / отв. ред. О.П. Грибунов, М.В. Старичков. Иркутск, 2019. С. 186.

Изложенное со всей очевидностью свидетельствует о несомненных достоинствах назначения и производства судебной экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении для органов уголовного судопроизводства.

Несовершенство действующего механизма уголовно-процессуального регулирования данного следственного действия на начальном этапе уголовного судопроизводства не позволяет в полной мере воспользоваться его преимуществами. Отметим лишь ряд таких недостатков.

Назначение и проведение исследования возможно только при наличии соответствующих объектов. В предварительном расследовании в распоряжении следователя или дознавателя имеются все возможности по их поиску, обнаружению и изъятию. В частности, наиболее эффективными для этой цели являются обыски и выемки, производство которых до возбуждения уголовного дела не разрешено. Поэтому перед правоприменителем здесь с особой остротой встает вопрос о способах сбора предметов или документов. Представляется, что получение образцов для сравнительного исследования в порядке ст. 202 УПК РФ в силу объективно ограниченных «собираемых» возможностей самостоятельно не в состоянии решить обозначенную проблему⁹. Это связано с тем, что оно в предварительном расследовании дополняет обыск и выемку по изъятию различного рода объектов. В связи с этим одного его явно недостаточно для всестороннего и полного поиска таких образцов.

Кроме этого, эффективность производства самого следственного действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ, в стадии возбуждения уголовного дела не велика. Так, получение образцов для сравнительного исследования у лиц нередко сопряжено с возможностью применения принуждения и, как следствие, с ограничением их конституционных прав, что до возбуждения уголовного дела не допускается. Справедливо указывают на это отдельные процессуалисты. «Для проведения экспертизы необходимы образцы

⁹ Не всегда может восполнить этот недостаток и осмотр места происшествия.

для сравнительного исследования, — пишет А.В. Кудрявцева, — в ходе получения которых и в ходе проведения экспертизы могут быть нарушены права граждан, предусмотренные ст. 21–23, 35, 38, 41 Конституции РФ»¹⁰. Солидарна с ней и Л.В. Лазарева, отмечая, что «производство экспертизы до возбуждения уголовного дела может создать опасный прецедент и породить атмосферу бесконтрольности в применении мер, ограничивающих права и интересы личности. Во избежание нарушения прав участников процесса при назначении экспертизы следует отметить, что исследования, результаты которых являются основанием для возбуждения уголовного дела, представляют собой решение диагностических задач, не требующих представления образцов для сравнения»¹¹.

Следует добавить также, что законодатель в ч. 1 ст. 202 УПК РФ не ограничивает цель проведения данного следственного действия в стадиях предварительного расследования и возбуждения уголовного дела, обозначая ее как необходимость проверки, оставлены ли ими (имеется в виду участниками уголовного судопроизводства или физическими лицами и представителями юридических лиц) следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. Это означает установление причастности лиц к совершенному преступлению или отработку той или иной следственной версии. Однако такового не требуется для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Если же следователь или дознаватель все-таки попытаются получить образцы у лица в стадии возбуждения уголовного дела, то оно, в соответствии со ст. 51 Конституции РФ, вправе отказаться от этого. Причем в отличие от предварительного расследования этим правом

¹⁰ Кудрявцева А.В. Актуальные вопросы назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе России // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.) : сб. науч. ст. М., 2007. С. 60–64.

¹¹ Лазарева Л.В. Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы регулирования и реализации // Судебная экспертиза. 2015. № 3 (43). С. 10.

может воспользоваться и пострадавший¹².

Таким образом, разрешив назначение и производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель не обеспечил ее соответствующими уголовно-процессуальными средствами по поиску, обнаружению и изъятию необходимых для нее образцов. Это значительно снижает эффективность данного следственного действия на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Если же все-таки в распоряжении следователя оказались соответствующие объекты, требующие отдельного исследования, то перед ним встает вопрос об ознакомлении участников доследственной проверки с постановлением о назначении судебной экспертизы и самим заключением эксперта. Проблема в том, что ст. 198 УПК РФ, в отличие от ст. 202 УПК РФ, не содержит ссылку на ч. 1 ст. 144 УПК РФ и указание на иных физических лиц и представителей юридических лиц. Поэтому последние остаются без надлежащего уголовно-процессуального механизма обеспечения их прав при назначении и производстве судебной экспертизы. К сожалению, несмотря на предложения отдельных процессуалистов, законодатель до сих пор не внес соответствующих изменений, предписывающих то, как следователю надлежит реализовывать права указанных субъектов¹³. Это негативно сказывается на востребованности судебной экспертизы при проверке сообщений о преступлениях.

Следует добавить также то, что время, необходимое для проведения экспертного исследования, может значительно

превышать саму проверку сообщения о преступлении. В юридической литературе отмечается, что «является разумным ставить эксперта в известность о принятом решении, поскольку истечение сроков проверки не является основанием для окончания экспертизы»¹⁴. Схожую позицию занимает и А.А. Зайцев, полагающий, что «сроки производства судебных экспертиз следователю целесообразно согласовать с экспертом, чаще всего такое согласование проходит на основе личных взаимоотношений. При этом производство других экспертиз экспертом отодвигается на неопределенный срок»¹⁵.

Не решает этот вопрос указание в ст. 144 УПК РФ на разумный срок получения заключения эксперта, так как, во-первых, он не конкретизирован, а во-вторых, в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ это положение относится не к эксперту, а к следователю. Для того чтобы оно «заработало», его следует зафиксировать среди обязанностей эксперта, тогда последний был бы прямо заинтересован в изготовлении своего заключения в необходимые следователю сроки для принятия решения в порядке ст. 145 УПК РФ. Поэтому на сегодняшний день при назначении данного следственного действия следователь учитывает то, что эксперт может попросту не успеть представить заключение до окончания доследственной проверки. Изложенное обуславливает необходимость внесения соответствующих изменений также в ч. 3 ст. 144 УПК РФ в части продления срока проверки сообщения о преступлении до получения заключения эксперта. В противном случае следователи, как и прежде, будут вынуждены ограничиваться исследованиями специалиста.

Кроме этого, для самого эксперта, по сути, не имеет значения, на какой стадии уголовного судопроизводства следователь поручает ему производство исследования. Поэтому он может в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ попросить ознакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы.

¹² В предварительном расследовании потерпевший, согласно п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ, не вправе отказаться от предоставления образцов для сравнительного исследования.

¹³ См., напр.: Бобринев Р.В., Червинский А.С. Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 126–130; Маханек А.Б. Вопросы обеспечения прав и обязанностей потенциальных подозреваемых, обвиняемых и потерпевших при назначении и производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела // Апробация. 2013. № 8 (11). С. 30–33; Тарасов А.А. К вопросу об участниках процедуры назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 20–23; и др.

¹⁴ Грачев С.А. Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10–13.

¹⁵ Зайцев А.А. Указ. соч. С. 189.

Однако ввиду их отсутствия перед следователем возникает еще один вопрос: что делать в этом случае? Формально нельзя предоставить того, чего еще нет. Вместе с тем материалы доследственной проверки имеются в наличии и именно с ними эксперт желает ознакомиться. В предварительном расследовании такое ознакомление, как правило, сопровождается разъяснением эксперту запрета на разглашение данных предварительного расследования (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ) и предупреждением об уголовной ответственности за это (ч. 6 ст. 57 УПК РФ и ст. 310 УК РФ). Однако при доследственной проверке сообщений о преступлениях эти нормы не действуют, поскольку в них речь идет о предварительном расследовании, а не о досудебном производстве.

Таким образом, к декабрю 2015 г. в УПК РФ была сформирована минимально необходимая нормативная основа назна-

чения и производства судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении. Однако ввиду отсутствия уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения последнее не являлось доказательством по уголовному делу. Эта ситуация была исправлена только через четыре года, когда в декабре 2019 г. в ст. 307 УК РФ были внесены соответствующие изменения. С этого момента не осталось никаких юридических препятствий не только для производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, но и для признания впоследствии ее результатов доказательством. Представляется, что обозначенные недостатки действующего механизма уголовно-процессуального регулирования данного следственного действия не позволяют ему стать таким же распространенным проверочным действием, как, например, осмотр места происшествия и полностью заменить исследования специалиста.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 3 / Р.С. Белкин. Москва : Юрист, 1997. 480 с.
2. Бобринев Р.В. Использование в уголовном судопроизводстве права на назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела / Р.В. Бобринев, А.С. Червинский // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 126–130.
3. Грачев С.А. Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? / С.А. Грачев // Эксперт-криминалист. 2014. № 3. С. 10–13.
4. Зайцев А.А. Проблемы нарушения прав граждан при назначении судебных экспертиз по уголовным делам / А.А. Зайцев // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 15–16 марта 2019 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы О.П. Грибунов, М.В. Старичков. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т МВД РФ, 2019. С. 184–188.
5. Кудрявцева А.В. Актуальные вопросы назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе России / А.В. Кудрявцева // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 14–15 февраля 2007 г.) : сборник научных статей. Москва : Проспект, 2007. С. 60–64.
6. Лазарева Л.В. Производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы регулирования и реализации / Л.В. Лазарева // Судебная экспертиза. 2015. № 3 (43). С. 10–20.
7. Маханек А.Б. Вопросы обеспечения прав и обязанностей потенциальных подозреваемых, обвиняемых и потерпевших при назначении и производстве судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела / А.Б. Маханек // Апробация. 2013. № 8 (11). С. 30–33.
8. Сидоренко О.В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела / О.В. Сидоренко // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2 (24). С. 118–122.
9. Тарасов А.А. К вопросу об участниках процедуры назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела / А.А. Тарасов // Эксперт-криминалист. 2015. № 1. С. 20–23.

DOI: 10.18572/1812-3791-2020-9-21-25

Мелкое взяточничество: теория и практика правоприменения

Королев Геннадий Николаевич,

профессор Национального исследовательского

Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,

доктор юридических наук, профессор

korolev52rus@mail.ru

Статья посвящена актуальной правовой проблеме толкования и реализации правоприменителями ст. 291.2 УК РФ, вступившей в силу 15 июля 2016 г. и устанавливающей уголовную ответственность за получение (дачу) взятки в размере до 10 тыс. руб., т.е. за мелкое взяточничество. На основе анализа действующего российского законодательства и судебной правоприменительной практики делается аргументированный вывод о том, что действия органов предварительного расследования и суда по привлечению преподавателей высших учебных заведений к уголовной ответственности за мелкое взяточничество далеки от легальности. Сформулировано конкретное предложение Верховному Суду РФ по анализу и обобщению сложившейся судебной практики по данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: мелкое взяточничество, незаконные действия, конфликт интересов педагогического работника, преподаватель, профессиональные обязанности, правонарушение.

Petty Bribery: The Law Enforcement Theory and Practice

Korolev Gennadiy N.

Professor of the National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

LL.D., Professor

The article is devoted to the urgent legal problem of interpretation and implementation by law applicants of Art. 291.2 of the Criminal Code, which entered into force on July 15, 2016 and establishing criminal liability for receiving (giving) a bribe in the amount of up to 10 thousand rubles, i.e. for petty bribery. Based on the analysis of the current Russian legislation and judicial law enforcement practice, a well-reasoned conclusion is made that the actions of the preliminary investigation bodies and the court to bring teachers of higher educational institutions to criminal liability for petty bribery are far from legal. A concrete proposal has been formulated to the Supreme Court of the Russian Federation on the analysis and generalization of existing judicial practice in this category of criminal cases.

Keywords: petty bribery, illegal actions, conflict of interest of a pedagogical worker, teacher, professional duties, offense.

В последние годы правоприменительная практика правоохранительных и судебных органов вызывает определенные вопросы общества и требует доктринального толкования отдельных нормативных правовых актов. Особо остро стоит проблема, связанная с привлечением преподавателей вузов к уголовной ответственности за коррупционные преступления по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество).

Приведем пример¹. Так, 20 января 2017 г. приговором Центрального районного суда г. Волгограда по уголовному делу № 1-254/2016 был осужден доцент кафедры теплотехники и гидравлики

Волгоградского государственного технического университета Лютин К.И. за мелкое взяточничество по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. Одновременно его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 292 УК РФ — служебный подлог. Суть совершенного им деяния заключается в том, что осенью 2016 г. он по просьбе старосты учебной группы МТЗ-302с выставил за вознаграждение 20 студентам положительные оценки по дисциплине «Тепловые процессы» при принятии зачета без проведения фактической проверки уровня знаний.

Описывая его действия, судья в приговоре указывает: «Лютин К.И., реализуя свой преступный умысел, направленный на получение незаконного денежного вознаграждения за **незаконные действия** (здесь и далее выделено мной. — Г.К.) —

¹ Аналогичных примеров по стране за истекшие неполные четыре года применения данной нормы не один десяток.

выставление студенту положительной оценки по дисциплине „Тепловые процессы“ без проведения фактической проверки знаний... действуя из корыстной заинтересованности *вопреки интересам службы в государственном образовательном учреждении...* в нарушение своих должностных обязанностей, получил лично взятку в виде денег от студента Ф. в размере 500 рублей. После этого Лютин К.И. внес в официальные документы — зачетную книжку на имя студента Ф. и зачетно-экзаменационную ведомость учебной группы МТЗ-302с по дисциплине „Тепловые процессы“ заведомо ложные сведения о сдаче студентом Ф. зачета по вышеуказанной дисциплине на оценку „удовлетворительно“ без проведения фактической проверки уровня знаний последнего². Подобным образом в приговоре описаны все 20 эпизодов получения Лютиним вознаграждения.

Давая правовую оценку содеянному, суд указывает, что Лютин К.И., «являясь *должностным лицом, наделенным организационно-распорядительными полномочиями* в государственном образовательном учреждении, заключающимся в проверке и оценке знаний студентов по курируемым дисциплинам, подписании зачетно-экзаменационных ведомостей и зачетных книжек студентов (удостоверения факта принятия зачета и экзамена, оценки уровня знаний), совершил получение взятки в виде денег лично. Учитывая изложенное выше, суд квалифицирует действия Лютина К.И. по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, как получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей (введена Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ)³.

Приведенные цитаты из приговора представляют значительный интерес с точки зрения объективности и законности и обуславливают необходимость дать характеристику отдельным ее терминам (положениям), выделенным по тексту.

Итак, первый термин — «*незаконные действия*». И в качестве такого действия Центральный районный суд г. Волго-

града называет «выставление студенту положительной оценки по дисциплине без проведения фактической проверки знаний». Определение правовой категории «*незаконные действия*» дано в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁴. Данная категория представляет собой предмет отдельного научного исследования, поэтому в настоящей статье только кратко отметим, что, согласно общей теории права, любое действие *признается незаконным* только на основании закона. «Выставление студенту положительной оценки по дисциплине без проведения фактической проверки знаний» действующим законодательством (ни уголовным, ни административным) к числу незаконных не отнесено. Поведение должностного лица признается незаконным тогда, когда оно совершается умышленно и с нарушением нормы закона, относящегося к любой отрасли права, то есть является правовым деликтом.

Что касается отношений преподавателей со студентами применительно к приему-сдаче экзаменов и зачетов, то в указанных правоотношениях преподаватели не выполняют полномочий должностного лица. Их поведение укладывается в рамки профессиональных педагогических функций. Поскольку с позиции Уголовного кодекса РФ поведение преподавателей не является правовым деликтом, их действия не могут признаваться правонарушением, и тем более преступлением. Касательно нашего примера, действия доцента Лютина, связанные с получением денежного вознаграждения от студентов, выполнялись с нарушением этических норм. Но уголовный закон исключает квалификацию деяния любого гражданина с позиции нравственных правил. Общепризнанное положение «все, что не запрещено законом, разрешено», регулирующее поведение граждан, относится к каждому физическому лицу.

В начале описательной части приговора судья приводит норму ч. 2 ст. 48

² Приговор Центрального районного суда г. Волгограда по уголовному делу № 1-254/2016 от 20 января 2017 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.04.2019).

³ Стилистика изложения приговора сохранена.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об образовании в Российской Федерации»⁵ (далее — Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»), в которой закреплено, что «педагогический работник организации, осуществляющей образовательную деятельность, в том числе в качестве индивидуального предпринимателя, не вправе оказывать платные образовательные услуги обучающимся в данной организации, *если это приводит к конфликту интересов педагогического работника*».

Не совсем удачно, на наш взгляд, приведена эта норма в приговоре, но тем не менее дадим доктринальное ее толкование, поскольку она имеет специфическую конструкцию. Касательно настоящего исследования ключевой является последняя выделенная нами фраза. Из нее следует, что государство в лице законодателя устанавливает только один запрет на оказание платных образовательных услуг обучающимся, а именно если это приводит к конфликту интересов педагогического работника. Рассуждаем методом от противного: если это не приводит к конфликту интересов, то никакого запрета со стороны государства на оказание платных образовательных услуг обучающимся нет.

Однако в примере с доцентом Лютиным речь не идет об оказании платных образовательных услуг, и для нашего исследования познавательно другое, а именно проблема конфликта интересов педагогического работника (который в данном конкретном случае имел место быть) и правовой порядок разрешения подобного конфликта. Вначале укажем, что под «конфликтом интересов педагогического работника», в соответствии с п. 33 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», понимается «ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им *профессиональной деятельности* возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества и которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение педагогическим работником

*профессиональных обязанностей*⁶ вследствие противоречия между его личной заинтересованностью и интересами обучающегося...».

Итак, конфликт интересов — это ситуация. Она не является патовой. Цивилизованный порядок выхода из нее регламентирован действующим российским законодательством. «Предотвращение или урегулирование конфликта интересов, — закреплено в ст. 11 Федерального закона „О противодействии коррупции“ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ⁷, — может состоять в изменении должностного или служебного положения лица, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей в установленном порядке и (или) в отказе его от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов.

Непринятие лицом, являющимся стороной конфликта интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является *правонарушением, влекущим увольнение* указанного лица в соответствии с законодательством РФ».

Последнее положение данной нормы закона представляется весьма важным, требующим дополнительного разъяснения. Итак, если преподаватель не отказался от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов, т.е. не принял мер по его предотвращению или урегулированию, то это действие (бездействие), согласно ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», квалифицируется как *правонарушение, влекущее увольнение*. А это не что иное, как *дисциплинарный проступок*. Но никак не уголовно наказуемое деяние, не преступление.

Вторая фраза, выделенная нами в приговоре, которая требует комментирования,

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019) // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7598.

⁶ Констатируем тот факт, что и в данном нормативном правовом акте законодатель, говоря о выполнении педагогическим работником своих полномочий, применяет категории «профессиональная деятельность», «профессиональные обязанности» и не использует такую категорию, как «организационно-распорядительная функция».

⁷ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6228. (Далее — Федеральный закон «О противодействии коррупции».)

звучит так: «*вопреки интересам службы в государственном образовательном учреждении*».

Сразу отметим, что современная система государственной службы Российской Федерации включает в себя три вида: государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов⁸. Наименование последнего вида появилось в результате изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона „О таможенном регулировании в Российской Федерации“», взамен термина «правоохранительная служба». Анализ законов, регламентирующих данные виды служб, показывает, что преподаватели гражданских вузов ни на какой службе не состоят. Как педагогические работники, они занимаются педагогической деятельностью⁹. Глава 52 Трудового кодекса РФ устанавливает особенности регулирования труда педагогических работников. Будучи субъектом трудовых отношений, а именно работниками, они выполняют трудовые функции, как об этом прямо закреплено в ст. 15 ТК РФ. Ни один нормативный правовой акт в Российской Федерации не предусматривает выполнение педагогическим работником организационно-распорядительных функций и не относит их к категории должностных лиц.

Третье положение, которое требует разъяснения, — это фраза о том, что доцент Лютин К.И. является «*должностным лицом, наделенным организационно-распорядительными полномочиями*». То есть в данном случае суд исходит из того, что преподаватель является субъектом должностного преступления коррупционной направленности, предусмотренного в главе 30 УК РФ, именуемой «Преступления против государственной власти, инте-

ресов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Безусловно, это тема отдельного научного исследования, поэтому, чтобы выдержать формат научной статьи, постараемся данный вопрос исследовать применительно к конкретно рассматриваемому нами составу преступления.

Обратимся вначале к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24, в котором предписано, что «при разрешении вопроса о том, совершено ли коррупционное преступление должностным лицом, ...судам следует руководствоваться примечаниями 1, 2 и 3 к статье 285, примечанием 2 к статье 290, примечанием 1 к статье 201 УК РФ, учитывая при этом соответствующие разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 „О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий“».

Поскольку суды относят преподавателей к числу должностных лиц по признаку выполнения им организационно-распорядительных функций, акцентируем наше внимание на данном положении. Понятие анализируемого нами термина раскрывается в постановлении Пленума, ссылка на которое указана Верховным Судом РФ. Итак, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19¹⁰ «под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.». Проецирование

⁸ Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 23.05.2016) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

⁹ Статья 46 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; Статья 331 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

данного определения на полномочия преподавателя позволяет сделать вывод, что они (полномочия преподавателя) никоим образом не связаны с руководством коллективом студентов и последние не находятся в его служебном подчинении. То есть преподаватель не обладает организационно-распорядительными полномочиями в отношении своего студента.

Но, несмотря, казалось бы, на всю очевидность ситуации, механизм репрессий в отношении преподавательского корпуса раскручен, и никто его останавливать не собирается. Не имея достаточных оснований для мотивировки своих решений, суды вынуждены ухищряться и фантазировать. К примеру, в Постановлении Промышленного районного суда г. Оренбурга от 20 апреля 2017 г. о прекращении уголовного дела в отношении педагогического работника Оренбургского института путей сообщения доцента Полищука Ю.В. в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности записано, что последний «являлся должностным лицом, поскольку был наделен... организационно-распорядительными функциями по обучению... по проведению практических занятий, по приему курсовых экзаменов и выставлению оценок по преподаваемой им учебной дисциплине, то есть осуществлял права и обязанности, влекущие за собой *правовые последствия в виде возможности отчисления студента из института при не ликвидации академической задолженности в установленный срок*»¹¹.

Нелепость подобного обоснования очевидна. Студент, имеющий академическую задолженность даже по нескольким дисциплинам, не отчисляется автоматически из вуза. Ему предоставляется время и возможность ликвидировать задолженность путем пересдачи экзаменов, вплоть до комиссионной пересдачи.

Представляется, что в подобных ситуациях правоприменители «опираются» на положение абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19, в котором закреплено, что

«к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии)».

Но при этом сознательно либо по недоумению не учитывается одно важное обстоятельство: преподаватель не вправе принимать решений, «имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия», в отношении студентов. Это компетенция ректора как руководителя вуза. И решение об отчислении принимает не преподаватель, а ректор путем издания соответствующего приказа.

Таким образом, проведенный анализ действующего российского законодательства показывает, что легальность правоприменительной практики по привлечению педагогических работников к уголовной ответственности за должностные преступления коррупционной направленности вызывает большие сомнения. Эта сложившаяся негативная ситуация требует оперативного изучения и разрешения.

Учитывая, что по поручению Президента РФ по итогам заседания Совета по противодействию коррупции¹², состоявшегося 26 января 2016 г., проект федерального закона, предусматривающего выделение в качестве самостоятельного состава преступления дачи (получения) взятки в размере до 10 тыс. руб., готовил Верховный Совет РФ, представляется, что именно данный высший судебный орган страны должен провести анализ и обобщение практики рассмотрения судами указанной категории уголовных дел и принять решительные меры по восстановлению законности и нарушенных прав граждан.

¹¹ Постановление Промышленного районного суда г. Оренбурга от 20 апреля 2017 г. по уголовному делу № 1-8/2017 в отношении доцента Полищука Ю.В. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 08.03.2019).

¹² Перечень поручений по итогам заседания Совета по противодействию коррупции (утв. Президентом РФ 16.02.2016). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51361> (дата обращения: 15.07.2020).

О некоторых аспектах условно-досрочного освобождения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ и пояснении Верховного народного суда КНР: сравнительно-правовой анализ

Мяханова Александра Николаевна,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова,
судья в отставке
alex27-m@mail.ru

Дондокова Максара Юрьевна,

доцент кафедры китайского, вьетнамского,
тайского и лаосского языков Московского государственного
института международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО),
кандидат филологических наук
maksara508@mail.ru

В ст. 79 УК РФ, предусматривающей условия применения условно-досрочного освобождения, отмечаются некоторые пробелы. Критерии освобождения определены нечетко, и оно не направлено на предупреждение совершения новых преступлений. Указанные проблемы не позволяют обеспечить единую практику такого освобождения и эффективность наказания, что подтверждает высокий уровень рецидива в последние годы. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 ответило только на часть вопросов. В УК КНР имеются положения, которые возможно учесть при совершенствовании российского законодательства, к примеру, такие как направленность этого вида освобождения на предупреждение новых преступлений, определение органа, осуществляющего контроль за освобожденным, и пр. Верховный народный суд Китая высказал рекомендации в своих Пояснениях «О применении законодательства о сокращении сроков наказания и условно-досрочном освобождении» от 14 ноября 2016 г.

В связи с изложенным актуально продолжить сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства и судебной практики Китая и России в этой области.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, Уголовный кодекс Китайской Народной Республики, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

On Some Aspects of Release on Parole in a Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and an Explanation of the Supreme People's Court of the PRC: A Comparative Legal Analysis

Myakhanova Aleksandra N.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Buryat State University named after D. Banzarov
Judge Emeritus

Dondokova Maksara Yu.

Associate Professor of the Department of Chinese, Vietnamese,
Thai and Lao Languages of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University)
PhD (Philology)

In Art. 79 of the Criminal Code, providing for the conditions for the application of parole, there are some gaps. The criteria for release are not clearly defined, and it is not intended to prevent the commission of new crimes. These problems

do not allow for a unified practice of such release and the effectiveness of punishment, which confirms the high rate of relapse in recent years. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation's Plenum of April 21, 2009 No. 8 answered only a part of the questions. In the Criminal Code of the People's Republic of China there are provisions that can be taken into account when improving Russian legislation, for example, such as the focus of this type of release on the prevention of new crimes; the definition of the body exercising control over the released person, etc. The Supreme People's Court of China made recommendations in its Explanations "Provisions on Legislations for cases of Commutation and Parole" of November 14, 2016.

In connection with the foregoing, it is important to continue the comparative legal study of the criminal law and judicial practice of China and Russia in this area.

Keywords: parole, the Criminal Code of the People's Republic of China, correction of convicts, warning of new crimes.

Важным направлением отечественной уголовной политики является гуманизация в сфере досрочного освобождения от отбывания наказания. Ввиду этого актуальна проблема высокого уровня рецидивной преступности среди лиц, освобожденных условно-досрочно. Государство не способно и не должно исправлять осужденных, но может их ресоциализировать¹, поскольку потребность общества в возвращении этих лиц к законопослушному образу жизни вызывает необходимость более активной оценки факторов риска повторной преступности².

Так, Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев в 2006 г. отмечал проблему рецидива, в том числе и среди условно-досрочно освобожденных³.

За январь — август 2019 г. каждое второе преступление по стране (56,5%) совершено ранее совершавшими преступления (58% в 2017–2018 гг.)⁴. В Бурятии лицами, условно-досрочно освобожденными в 2018 г., совершено 288 (57%) преступлений, в 2019 г. — 184⁵.

До Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» такой вид досрочного освобождения был самым применяемым. Так, в 2006–2008 гг. условно-досрочно освобождено 360 052 осужденных (56,3% от всех освобожденных)⁶. Для сравнения, в 2018 г. рассмотрено 99 646 ходатайств, удовлетворено — 49 292 (49,47%), отказано — 36 916 (37%)⁷; в 2019 г. — 92 545, из них удовлетворено — 45 387 (49%), отказано — 33 468 (36%)⁸.

Вместе с тем уровень рецидива продолжает оставаться высоким, что требует изучения успешного опыта других стран.

В настоящее время уголовное законодательство Китайской Народной Республики (далее — КНР) вызывает большой интерес. Китай достаточно эффективен в противодействии преступности, вбирая все прогрессивное с учетом исторического опыта и национального самосознания⁹.

В соответствии со ст. 79 УК РФ лицо подлежит условно-досрочному освобождению

¹ Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39). С. 60–64.

² Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1. С. 44.

³ Количество рецидивов в уголовной сфере возрастает, констатирует Председатель Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев. 27.02.2006 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: www.supcourt.ru

⁴ Официальный сайт Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart

⁵ Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://usd.bur.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=35>

⁶ Статистические данные // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.su/>

⁷ Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdcr.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.05.2020).

⁸ Данные судебной статистики судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdcr.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.05.2020).

⁹ Чанхай Л., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 128–142.

дению, если оно не нуждается в полном отбывании наказания и возместило полностью или частично причиненный вред.

К примеру, из анализа 523 постановлений об условно-досрочном освобождении, в том числе 486 по Бурятии, за 2018 г. следует, что удовлетворено — 378 (72,3%), отказано — 145 (27,7%). Чаще освобождают при наличии: поощрений — 357 (94,4%); отсутствии взысканий — 246 (65%); ходатайства администрации учреждения — 376 (99,5%).

Некоторые авторы отмечают такие недостатки, как нечеткость условий относительно поведения осужденного, размера возмещения вреда и др.¹⁰ Нередко судьи испытывают из-за этого затруднения.

Так, в 2018 г. Верховный суд Бурятии отменил постановление Октябрьского районного суда об отказе гр-ну Б. в условно-досрочном освобождении из-за того, что не учтено погашение пяти взысканий, не дана оценка характеру нарушений, не приняты во внимание заключение администрации и характеристика психолога о целесообразности освобождения, отношение к труду и возмещению ущерба и др.¹¹

Часть вопросов разрешена в постановлении Пленума, к примеру, что не следует ссылаться при отказе на мягкость наказания (п. 6), кратковременность пребывания в учреждении, а наличие взысканий само по себе не свидетельствует о необходимости в дальнейшем отбывании и др.

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики (далее — УК КНР) другое видение условно-досрочного освобождения¹².

Согласно ст. 81 УК КНР осужденные при отбытии более половины срока и проявившие раскаяние могут быть освобождены, если это безопасно для общества. Поправки к УК КНР (№ 8) от 25 февраля 2011 г. предписывают учитывать влияние освобождаемого лица на его окружение и создают систему их исправления мерами общественного воздействия¹³. В Китае, в отличие от России, условно-досрочное освобождение не применяется к рецидивистам¹⁴.

К примеру, Высший народный суд провинции Гуанчжоу сообщил в июне 2020 г. о снижении количества дел, связанных с наркотиками, в том числе из-за ужесточения контроля над условно-досрочным освобождением. С января по май 2020 г. поступило 3780 дел, снижение с предыдущим годом на 14,52%. В 2019 г. было 10 641 дело, что на 62,13% меньше, чем пять лет назад. При этом сурово наказываются рецидивисты. В 2019 г. из 12 774 осужденных 1228 приговорены к 15 годам, некоторые — к смертной казни¹⁵.

По ст. 85 УК КНР освобожденных условно-досрочно контролируют органы общественной безопасности. В России отсутствует специализированный орган по контролю, что является одной из причин новых преступлений.

К примеру, в Бурятии еще в 2013 г. на заседании по вопросу «О мерах по повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по предупреждению рецидивной преступ-

«Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : материалы участников Международной научно-практической конференции (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) : сб. науч. ст. : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 3. С. 250–252.

¹³ Чанхай Л., Коробеев А.И., Чучаев А.И. Указ. соч.

¹⁴ Скиба А.П., Мяханова А.Н., Дондокова М.Ю. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ Уголовного кодекса Китайской Народной Республики и Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 93–98.

¹⁵ Новости Гуандуна. URL: http://news.southcn.com/gd/content/2020-06/22/content_191059071.htm (дата обращения: 22.06.2020).

¹⁰ Грачева Ю.В. Проблемы судейского усмотрения в применении условно-досрочного освобождения // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 116–144.

¹¹ Решение Верховного суда Республики Бурятия от 24 января 2018 г. по делу № 22-258/2018 // Архив Верховного суда Республики Бурятия за 2018 г.

¹² Эрхитуева Т.И., Мяханова А.Н. Некоторые аспекты институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения по Уголовному кодексу Российской Федерации и Уголовному кодексу Китайской Народной Республики // III Международный пенитенциарный форум

ности» отмечено, что суды перестали рассматривать представления органов внутренних дел об отмене условно-досрочного освобождения. В 2012 г. из 18 представлений оставлено без удовлетворения 10, возвращены 2. Отсутствие мер воздействия не позволяет эффективно реагировать на их противоправные действия. Так, за 5 месяцев 2012 г. в период такого освобождения 97 человек совершили новые преступления. На круглом столе в 2018 г. МВД РБ вновь указано на отсутствие специализированного органа. В 2018 г. рассмотрено по стране всего 879 ходатайств об отмене, из них удовлетворено 374; отказано 315¹⁶. В 2019 г. рассмотрено 802 ходатайства, удовлетворено — 342, отказано — 280¹⁷. За 8 месяцев 2018 г. в Бурятии вновь совершили преступления 87 человек, освободившихся условно-досрочно (в 2017 г. — 79).

В Китае, в отличие от России, при совершении лицом нового преступления досрочное освобождение подлежит отмене (ст. 71 и 86).

Верховный народный суд Китая высказался по условно-досрочному освобождению в Пояснениях «О применении законодательства о сокращении сроков наказания и условно-досрочном освобождении» от 14 ноября 2016 г. В частности, о необходимости учитывать характер преступления, размер оплаченного штрафа и др. (здесь и далее приведен перевод одного из соавторов с китайского языка на русский с учетом российской терминологии, в дальнейшем он может корректироваться). Следует отметить, что в Китае Уголовный кодекс не является единственным источником уголовного права. Наряду с ним применяются судебные разъяснения, изданные Верховным Судом КНР и др.¹⁸

¹⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции за 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

¹⁷ Отчет о работе судов общей юрисдикции за 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>

¹⁸ Даосю Х. Некоторые острые вопросы относительно сущности уголовного права и

Так, в указанных Пояснениях «искренним раскаянием» 确有悔改表现 возможно признать: 1) полное признание вины; 2) соблюдение всех законов, правил и распорядка учреждения; 3) активное участие в работе, усердное исполнение трудовых обязанностей и др.

Вместе с тем понятие «искреннее раскаяние» не применяется в отношении осужденных за должностное преступление, организацию (организацию, участие, содействие преступлениям) ОПГ, если лицо получило право на условно-досрочное освобождение преднамеренно, используя такие незаконные способы, как личное и общественное влияние 服刑期间利用个人影响力和社会关系等不正当手段意图获得减刑、假释的.

Также могут быть восприняты как выражение искреннего раскаяния воспрепятствование другим в совершении преступных деяний, технологические инновации в производстве, научных исследований и др. Подобную практику возможно применить и в нашей стране.

К примеру, суд в 2020 г. освободил условно-досрочно сотрудника ЦНИ института машиностроения Л., осужденного за государственную измену, за передачу за рубеж информации, составляющей государственную тайну. Он принимал участие в создании межконтинентальных баллистических ракет и ракетоносителей. По словам ученого, он отправил гражданину КНР демоверсию программного комплекса, позволяющего рассчитывать аэродинамические характеристики гиперзвуковых летательных аппаратов.

Относительно таких лиц в целях получения досрочного освобождения применимо положение о «технологических инновациях»¹⁹.

Также в указанных Пояснениях рекомендовано обращать внимание на то, что «нет опасности рецидива», анализируя конкретные обстоятельства

конституционных основ уголовного права КНР // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2007. С. 118–120.

¹⁹ URL: <https://pravo.ru/news/222835/>

преступления, наличие постпенитенциарного сопровождения. К примеру, осужденных, не достигших возраста 18 лет, и инвалидов должны освобождать условно-досрочно в первую очередь.

В отношении лиц, которым могут быть сокращены сроки по другим основаниям, приоритет отдается в пользу условно-досрочного освобождения. В России этот вопрос не урегулирован. Не подлежат освобождению лица, не выполняющие обязательства по возмещению ущерба.

Лица, которым отменено условно-досрочное освобождение, обычно не могут повторно претендовать на такое освобождение. Кроме случаев, когда

такое лицо заявило о преступлении или сделало явку с повинной.

Таким образом, положительным в китайском законодательстве является направленность условно-досрочного освобождения на предупреждение совершения новых преступлений и прямое указание на орган, контролирующий эту категорию лиц после освобождения.

Опыт КНР в сфере применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы может быть применим и в России. В связи с чем актуально продолжить сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства и судебной практики Китая и России в этой области.

Литература

1. Грачева Ю.В. Проблемы судейского усмотрения в применении условно-досрочного освобождения / Ю.В. Грачева // Российский ежегодник уголовного права. 2012. № 6. С. 116–145.
2. Даосю Х. Некоторые острые вопросы относительно сущности уголовного права и конституционных основ уголовного права КНР / Х. Даосю // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции : сборник научных статей. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. С. 118–120.
3. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных / М.Г. Дебольский // Психология и право. 2014. № 1. С. 35–49.
4. Крайнова Н.А. Исправление осужденного: цель или функция уголовного наказания (к вопросу о сущности и терминологии) / Н.А. Крайнова // Евразийская адвокатура. 2019. № 2 (39). С. 60–64.
5. Скиба А.П. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ Уголовного кодекса Китайской Народной Республики и Уголовного кодекса Российской Федерации / А.П. Скиба, А.Н. Мяханова, М.Ю. Дондокова // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 93–98.
6. Чанхай Л. Уголовный кодекс КНР: Совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) / Л. Чанхай, А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 3 (136). С. 128–142.
7. Эрхитуева Т.И. Некоторые аспекты институтов условного осуждения и условно-досрочного освобождения по Уголовному кодексу Российской Федерации и Уголовному кодексу Китайской Народной Республики / Т.И. Эрхитуева, А.Н. Мяханова // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : материалы участников Международной научно-практической конференции (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.). В 8 томах. Т. 3 : сборник тезисов выступлений и докладов. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 250–252.

Теория «политической юриспруденции» в западном праве

Кротов Андрей Владиславович,
докторант Южного федерального университета,
кандидат юридических наук
pravonnov@yandex.ru

Принцип разделения властей, являясь одним из признаков демократического режима, предполагает относительную самостоятельность судебной, законодательной и исполнительной власти, их взаимное уважение друг к другу.

В связи с наличием угрозы основам конституционного строя органы судебной власти в исключительных случаях могут включаться в политические процессы, оказывая влияние не только на формирование системы права, но и политики, при этом реализация судьей свободы выбора не абсолютна и подчинена сложной системе ограничений.

Принятие судьей решения, влияющего на сферу политики, как правило, вызывает широкий общественный резонанс, в свою очередь, даже в странах развитой демократии отсутствует общественный консенсус относительно допустимости влияния судебных органов на политические процессы. Дискурс между сторонниками судебного активизма и судебного ограничения в политической сфере присущ не только демократическим, но и псевдодемократическим режимам, что связано с особой ролью суда, который осуществляет контроль за реализацией свободы в политической сфере в границах, установленных правом. Теория политической юриспруденции представляет собой систему знаний (взглядов, представлений, идей) относительно места и роли судебной власти в политических процессах, в различных системах права теории политической юриспруденции присущи свои особенности, что связано с отличиями «мировоззренческих матриц», в то же время в контексте процессов общей глобализации, распространения влияния западной правовой доктрины ориентация происходит на западную модель теории политической юриспруденции, изучению которой посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: теория политической юриспруденции, судебный контроль, демократический режим.

A Political Jurisprudence Theory in the Western Law

Krotov Andrey V.
Doctoral Student of the Southern Federal University
PhD (Law)

The principle of separation of powers, being one of the features of a democratic regime, presupposes the relative independence of the judiciary, legislative and executive powers, their mutual respect for each other.

Due to the presence of a threat to the foundations of the constitutional system, the judiciary in exceptional cases can be involved in political processes, influencing not only the formation of the system of law, but also politics, while the exercise of freedom of choice by a judge is not absolute and is subject to a complex system of restrictions.

A decision by a judge that affects the sphere of politics, as a rule, causes a wide public outcry, in turn, even in developed democracies, there is no public consensus on the admissibility of the influence of the judiciary on political processes. Discourse between supporters of judicial activism and judicial restrictions in the political sphere is inherent not only in democratic, but also in pseudo-democratic regimes, which is associated with the special role of the court, which exercises control over the exercise of freedom in the political sphere within the boundaries established by law. The theory of political jurisprudence is a system of knowledge (views, perceptions, ideas) regarding the place and role of the judiciary in political processes; globalization, the spread of the influence of Western legal doctrine, the orientation takes place on the Western model of the theory of political jurisprudence, the study of which is devoted to this article.

Keywords: theory of political jurisprudence, judicial control, democratic regime.

Существуют различные подходы к определению и пониманию теории «политической юриспруденции». С.А. Егоров указывает, что в рамках теории политической юриспруденции «право юридически оформляет и закрепляет политический строй, структуру,

порядок образования и компетенцию органов государственной власти, права и свободы граждан, упорядочивает и регулирует процесс государственно-го управления... Правовая система рассматривается как совокупность упорядоченных юридических средств

и институтов для разрешения споров в государстве»¹. П. М. Морхат отмечает, что «основные положения и краеугольные постулаты политической юриспруденции... сводятся в конечном счете к тому, что право рассматривается не иначе как „продукт политических сил“, а суды и судьи соответственно как „политические институты и политические актеры“. Политическая юриспруденция, по мнению разработчиков и последователей этой концепции, представляя собой новый подход и „новый взгляд на право, суд и другие правовые институты“, фокусирует „основное внимание исключительно на политическом характере судебных органов и стремится доказать, что традиционное представление о судах как о сугубо правовых институтах является в корне неверным и как минимум вводящим в заблуждение“»². В порядке критики указанной позиции возможно отметить, что хотя функцию создания права и возможно рассматривать как политическую, однако иные правовые функции, во всяком случае в демократических режимах, не обладают политическим характером, а осуществляются относительно независимо (основой чего выступает система разделения властей), в то же время в недемократическом режиме политизация в праве возможна (право соответственно используется в достижении политических целей правящей группой).

Политическая юриспруденция представляет собой теорию, становление которой в США во второй половине XX в. связано с развитием социологической юриспруденции (американская «социологическая юриспруденция». Р. Паунд писал, что «социологическое направление в юриспруденции — это и

есть движение за прагматизм, за приспособление всех принципов и доктрин к человеческому фактору, за то, чтобы поместить человека в Центр внимания»³) и правового реализма (последователи реалистической школы права «делали акцент на правотворческой функции суда и утверждали, что нет двух одинаковых судебных дел, каждое дело уникально по набору обстоятельств»⁴). Зарубежные авторы⁵, характеризуя теорию «политической юриспруденции», отмечают, что суды принимают решения не только на основе норм объективного права, но и, руководствуясь идеологией, общими социальными ценностями, с учетом запросов институтов политической системы (то есть действуя как часть государственной власти), право в таком случае воспринимают как средство достижения определенных социальных целей в контексте действующей политической системы, судьи в свою очередь рассматриваются в качестве лиц, принимающих политические решения, наравне с депутатами парламента, министрами и прочее⁶, такой подход

³ Алыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Marinković T. Barak's Purposive Interpretation in Law as a Pattern of Constitutional Interpretative Fidelity // *Baltic Journal of Law & Politics*. 2016. Vol. 9. Is. 2. P. 85–101.

⁶ Политическая юриспруденция и политика права являются разными понятиями. Политика права, как писал Г.А. Ландау, — это наука, которая изучает право, каким оно должно быть, для того чтобы при данных состояниях психики (отсылка к теории Петражицкого) или вообще при данных условиях осуществить (или приблизить к осуществлению) данную цель (осуществить рациональную задачу права) (см.: Ландау Г.А. О политике права (к теории прикладных наук). СПб.: Сенатская тип., 1906. С. 8). В.А. Рудковский в широком социологическом (социально-политическом) плане под содержанием правовой политики предлагает понимать систему отношений, возникающих между различными субъектами политики по поводу государственного признания и официального обеспечения тех или иных социальных интересов в качестве юридически значимых. В более тесном, государственно-правовом смысле содержание правовой политики представлено государственно-правовой стратегией и тактикой (в ее динамичном и статичном выражении) (см.: Рудковский В.А.

¹ Цит. по: Антанович Н.А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // *Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность*: материалы Международной научно-теоретической конференции (г. Минск, 29 сентября 2006 г.): сб. науч. ст. Минск: Наука, 2006. С. 332–337.

² Морхат П. М. Соотношение политической юриспруденции и правосудия: общее и частное // *Российский судья*. 2018. № 2. С. 9–12.

к определению теории «политической юриспруденции» наиболее близок и нам.

Суд, действуя в системе разделения властей, *ut a regula* (как правило) не вмешивается в дискрецию законодателя, предполагается, что при демократическом строе политика должна определяться выборным органом, а не судом (если основная роль законодательного органа — правотворчество, то судебного — разрешение споров, при этом возможность обращения в суд с целью проверки законности любого акта, принятого органами государственной власти, рассматривается в качестве столпов демократического режима, так как в противном случае право заменяется властью, где нет судьи, там и нет силы права), отсюда следует критика позиции ряда современных отечественных ученых, считающих включение судебной власти в формирование современной политики естественным и закономерным процессом.

Вмешательство суда в формирование политики возможно только в случае нанесения ущерба структурным основам конституционного строя, в теории «политической юриспруденции» сформулирован стандарт, «принимаящий в расчет степень предполагаемого ущерба механизму парламентской жизни и степень воздействия этого ущерба на структурные основы конституционного строя»⁷, и которым суду надлежит руководствоваться в случае необходимости вмешательства судебной власти в политику (политика как осуществление государственной власти), возможность судебного контроля за политической деятельностью, носящей экстраординарный характер, основывается на том, что любая свобода, в том числе в политической сфере, реализуется в границах права, не существует действий, которые в той или иной степени не под-

вергнуты правовому регулированию, отличия в данном случае состоят в том, что судебный орган регулирует спор, руководствуясь юридическими, а не политическими стандартами, и каждый гражданин обладает правом обратиться в суд с целью проверки правомерности принятых государственными органами решений (судебный контроль).

Допустимость включения суда в политические процессы (как исключительный случай) основывается на характеристиках демократического политического режима.

Председатель Верховного Суда Израиля в 1995–2006 гг. профессор Аарон Барак, обосновывая возможность включения судебной власти в политический процесс, отмечает, что демократия многомерна, это не просто правление народа и определение политики через выборных народных представителей (такой вариант демократии уже привел к Холокосту⁸). Имеется в виду, что демократическая процедура привела к недемократическому результату), демократия, по его мнению, — это «хрупкое равновесие между правлением большинства и определенными фундаментальными ценностями, такими, как права человека. При наличии формальной конституции она сама (конституция) определяет равновесие между этими двумя факторами (в данном контексте роль конституции представляется исключительной. Она как ограничивает законодательный орган, большинство, так и устанавливает конституционный контроль над большинством). При отсутствии формальной конституции это равновесие регулируется большинством. При таком строе правление большинства уравнивается самоограничением большинства... Когда судья осуществляет политику в контексте фундаментальных ценностей демократии, он действует не против демократии, а скорее в соответствии с ней. Если демократия есть равно-

Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2009. 54 с.).

⁷ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 260–262.

⁸ Barak A. *The Judge in a Democracy*. Princeton : Princeton University Press, 2006. P. 11.

весие между правлением большинства и определенными фундаментальными ценностями, то судья, осуществляющий политику на основе фундаментальных ценностей, осуществляет те ценности, которые демократия стремится защитить. Судья, выбирающий политику на базе фундаментальных ценностей демократии, делает ее верной самой себе»⁹. При этом один из основных принципов демократии — власть закона — основан не на легистском, а на юридическом типе правопонимания, как отметил судья Верховного Суда Израиля А. Коэн: «...даже тоталитарные правительства действуют согласно закону своих стран... посмотрите на нацистов, они пришли к власти на основании закона и свои преступления также вершили в соответствии с законом»¹⁰. В демократии власть закона — это гарантированность естественных прав человека, соблюдение принципов справедливости, норм морали, а также установление баланса между ними, не просто баланса, а такого соотношения, где реализация и защита прав человека не приведут как к аннигиляции государства, так и, напротив, права и свободы человека не будут уничтожены в государственных интересах, причем баланса, выработанного с учетом национальной специфики, в основе поиска такого баланса — эклектика, синтез различных идей и идеологий (в контексте их социальной значимости в конкретном обществе) с неизменным требованием защиты конституционных ценностей.

В демократии считается, что все люди являются обладателями ряда естественных прав, конституция создается для того, что бы обеспечить реализацию и защиту этих прав, а не пересмотреть их или сократить, сделать зависимыми от воли правительства/большинства, так как ничто не наделяет правительство/большинство правом нарушать конституцию. Принцип верховенства закона

означает не превалирование законов (статуты), законодательной власти, а конституции, и принимаемые законодательным органом законы должны ей соответствовать¹¹.

Когда бездействует парламент (в части определения равновесия между правлением большинства и определенными фундаментальными ценностями), причем такое бездействие может проявляться и в принятии законов, противоречащих конституции, основам демократического режима, суд, действуя в пределах зоны формальной легитимности, определяет политику на основе фундаментальных начал конституции, ценностей демократии, при этом парламент всегда может «передвинуть» границу (установленную судом) между властью большинства и его самоограничением.

Противники включения судебных органов в принятие решений в политической сфере отмечают, что судьи не были избраны населением (в отличие, например, от парламентариев), соответственно, их деятельность носит антидемократический характер, споры в сфере политики подлежат разрешению непосредственно и только политическими методами, кроме того, возможны судебные ошибки, а сама деятельность судов более (по сравнению с политическими органами) формализована (менее «гибкая», основана на легистском подходе), в свою очередь их оппоненты возражают, что участие судебных органов при разрешении политических споров предполагает более высокий уровень защиты прав и свобод человека, конституционного строя, что связано с особыми характеристиками судьи, уровнем его научной подготовки, кроме того, судьи обладают относительной независимостью, изолированностью от влияния различных политических сил, так как их назначение не было осуществлено чиновниками (во всяком случае, в демократии), соответственно, они могут оградить меньшинство от посягательств

⁹ Барак А. Указ. соч. С. 260–262.

¹⁰ Sapir G., Barak-Erez D., Barak A. *Israeli Constitutional Law in the Making*. Oxford and Portland, Oregon, 2013. P. 107.

¹¹ Barak A. *A Judge on Judging: the Role of a Supreme Court in a Democracy* // *Harvard Law Review*. 2002. Vol. 116. Is. 1. P. 42–58.

на их права и свободы (со стороны большинства/правительства).

Как в случае включения судебной власти в политический процесс возможно защититься от судебной тирании?

Существуют два варианта защиты от юрисдикционного диктата: конституционные ограничения (в тексте конституции, а также через конституционно-судебную практику) и особый механизм назначения и отставки судей.

В связи с тем, что текст конституции отличается повышенным содержанием норм-принципов, конституция принимается на длительный срок, ей свойственна адаптация к изменениям

социальных ориентиров, возможна различная интерпретация ее положений судебными органами по причине политизации процесса назначения судей, вследствие чего они представляют интересы правящих, особый порядок назначения судей и ограничения по сроку пребывания представляются нам более предпочтительным вариантом защиты от судебной тирании, при этом обязательно введение ясной и контролируемой гражданским обществом (а не государством) процедуры назначения и замены судей, а само их назначение должно проводиться через широкое обсуждение их идеологических взглядов.

Литература

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка / Г.Э. Адыгезалова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2012. 270 с.
2. Антанович Н.А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе / Н.А. Антанович // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность : материалы Международной научно-теоретической конференции (г. Минск, 29 сентября 2006 г.) : сборник научных статей. Минск : Наука, 2006. С. 332–337.
3. Барак А. Судейское усмотрение / А. Барак. Москва : Норма, 1999. 420 с.
4. Ландау Г.А. О политике права (к теории прикладных наук) / Г.А. Ландау. Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1906. 166 с.
5. Морхат П.М. Соотношение политической юриспруденции и правосудия: общее и частное / П.М. Морхат // Российский судья. 2018. № 2. С. 9–12.
6. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.А. Рудковский. Саратов, 2009. 54 с.

References

1. Barak A. A Judge on Judging: the Role of a Supreme Court in a Democracy / A. Barak // Harvard Law Review. 2002. Vol. 116. Is. 1. P. 42–58.
2. Barak A. The Judge in a Democracy / A. Barak. Princeton : Princeton University Press, 2006. 332 p.
3. Marinković T. Barak's Purposive Interpretation in Law as a Pattern of Constitutional Interpretative Fidelity / T. Marinković // Baltic Journal of Law & Politics. 2016. Vol. 9. Is. 2. P. 85–101.
4. Sapir G. Israeli Constitutional Law in the Making / G. Sapir, D. Barak-Erez, A. Barak. Oxford and Portland, Oregon, 2013. 570 p.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Обоснованность и мотивированность приговора – необходимые составляющие права на судебную защиту в истолковании Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ

Писаревский Илья Игоревич,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Юридического института Сибирского федерального университета,

кандидат юридических наук

iliay@mail.ru

Основной целью статьи является не просто привлечь внимание к важности вопросов обоснованности и мотивированности приговора и раскрыть эти достаточно подробно изученные понятия, но и продемонстрировать их тесную взаимосвязь с правосудием и конкретно с обеспечением права на судебную защиту (справедливое судебное разбирательство). На основе изучения правоприменительных позиций Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека установлено, что право на судебную защиту (справедливое судебное разбирательство) не может мыслиться без необходимости вынесения итогового судебного решения по существу спора, которое, кроме того, должно обладать определенными содержательными и формальными критериями, исключающими его произвольность и обеспечивающими возможность дальнейшего обжалования. Именно достижение указанных целей обеспечивает приведенные в авторской интерпретации свойства обоснованности и мотивированности приговора, тем самым становясь неразрывно связанными с правом на судебную защиту (справедливое судебное разбирательство).

Ключевые слова: приговор, обоснованность, мотивированность, право на судебную защиту, право на справедливое судебное разбирательство.

Sentence Justification and Substantiation as Required Components of the Right to Judicial Protection in the Interpretation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR

Pisarevskiy Ilya I.

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics

of the Law Institute of the Siberian Federal University

PhD (Law)

The article is devoted not only to significance of sentence's reasonableness and validity and its meaning which are well-studied but also to its germaneness with justice and in particular with the right to judicial protection (fair trial). Based on legal practice of Constitutional Court of Russian Federation and European court of human rights it is stipulated that the right to judicial protection (fair trial) cannot exist without necessity to bring final judgment which moreover must satisfy some intensional and formal criteria in order to prevent it from arbitrariness and secure right to appeal. The emphasized goals are provided by reasonableness and validity of the sentence whereby become germaneness with the right to judicial protection (fair trial).

Keywords: sentence, reasonableness, validity, right to judicial protection, right to a fair trial.

Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Из этого положения

вытекает, что правосудие, несмотря на всю свою значимость, которую справедливо подчеркивают в научной литературе, не является самоцелью, а выступает в первую очередь средством обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

В свою очередь, закрепленное в ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту выступает гарантией того, что правосудие подлежит отправлению именно в его конституционно-правовом смысле, на что обращено внимание в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П¹.

При этом, будучи сложным правовым явлением, право на судебную защиту может рассматриваться в различных значениях, каждое из которых характеризует его с определенной стороны, например, в качестве субъективного права² или принципа правосудия³ и так далее. Не отвергая обозначенного многообразия подходов, в настоящей работе право на судебную защиту рассмотрено в рамках уголовно-процессуальных правоотношений с точки зрения его содержательных характеристик, значимых для формирования приговора.

Данные характеристики вытекают из анализа практики Конституционного Суда РФ, а также Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) применительно к праву на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), истолкование которого во многом пересекается с отечественной доктриной права на судебную защиту, на что верно обращают внимание некоторые авторы⁴.

Впервые в Определении от 22 апреля 2004 г. № 213-О Конституционный Суд РФ связал право на судебную защиту не только с таким традиционно выделяемым аспектом, как право на обращение в суд, но и с ожидаемым результатом такого обращения в виде разрешения дела по существу в целях восстановления нарушенных прав заявителя⁵. Аналогичная правовая позиция была высказана в свое время в постановлении ЕСПЧ по делу *Golder v. The United Kingdom*⁶, признавшем, что все гарантии справедливого судебного разбирательства не имеют никакого значения, если лицо не в состоянии получить доступ к этому разбирательству, или, иными словами, к правосудию.

Конкретизируя названные позиции, следует заключить, что право на судебную защиту не будет иметь смысла, если его реализация не завершится вынесением окончательного судебного решения, основным из которых, по смыслу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, является приговор, посредством исполнения которого собственно и обеспечивается восстановление прав и свобод человека и гражданина.

Такие составляющие права на судебную защиту, как независимость суда, обеспечение обвиняемому квалифицированной юридической помощи, и многие другие обладают несомненной важностью, но являются ли они самоцелью? Обладают ли они какой-либо ценностью в отрыве от итогового судебного решения, обеспечивающего разрешение дела по существу? Очевидно,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 16 июля 2004 г. № 15-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30239.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

² Абонова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 16.

³ Банников Г.Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 84.

⁴ Анохин А.Н. Право на судебную защиту личности: герменевтический подход // Российский судья. 2015. № 10. С. 9 ; Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процес-

се Российской Федерации : учебное пособие. Томск, 2011. С. 9.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ по жалобе общественного благотворительного учреждения «Институт общественных проблем „Единая Европа“» от 22 апреля 2004 г. № 213-О // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31297.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

⁶ *Golder v. The United Kingdom*: Judgment of 21 February 1975: App. No. 4451/70 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 08.07.2020).

что поставленные вопросы во многом носят риторический характер. Именно поэтому в свое время активной критике подвергался такой институт царской России, как «оставления в подозрении», препятствовавший реализации права на судебную защиту не только обвиняемому, но и потерпевшему. В связи с этим вопрос реализации права на судебную защиту верно связывают с вынесением конкретного решения по делу и в научной литературе⁷.

Однако достаточно ли только одного факта вынесения итогового судебного решения по вопросам виновности (невиновности) обвиняемого, чтобы обеспечить право на судебную защиту и тем самым восстановить права участников уголовного судопроизводства? На этот вопрос также следует дать отрицательный ответ.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П закреплено, что «суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств»⁸. Действительно, формальный подход к самому факту вынесения судебного решения безотносительно его содержания и качества не позволяет говорить об осуществлении судебной защиты. Любое решение по уголовному делу, и в первую очередь приговор, должно быть не просто принято судом и содержать в себе некое властное веление от имени государства о необходимости либо отсутствии таковой претерпевать опреде-

ленные лишения, оно как минимум не должно быть произвольным, идущим вразрез с объективной действительностью, часть которой составляют в том числе положения закона. Только при таких условиях можно говорить о реальном осуществлении права на судебную защиту. Отсутствие же произвольности приговора как вида правоприменительного решения обеспечивается свойством обоснованности в содержательном аспекте, которое предполагает соответствие выводов суда доказательствам, полученным в результате всестороннего, полного и объективного доказывания по уголовному делу.

Однако этим значимые для формирования приговора составляющие права на судебную защиту не исчерпываются. Как указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П судебная защита предоставляется человеку и гражданину, в том числе от неправосудного приговора или иного судебного решения⁹. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П закреплено, что «право на судебную защиту предполагает охрану прав и законных интересов гражданина не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда»¹⁰. Иными словами, право на судебную защиту также предусматривает право на пересмотр вынесенного решения, то есть право на его обжалование в установленном законом порядке. Данное право также выделяется и в научной литературе¹¹.

⁷ Тагиев А.К. Право на судебную защиту как конституционная гарантия // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 7; Банников Г.Н. Указ. соч. С. 42.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30264.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30378.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях от 28 мая 1999 г. № 9-П // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30317.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

¹¹ Трубникова Т.В. Место права на судебную защиту в уголовном процессе РФ // Право на судебную

В свою очередь, право на обжалование атрибутирует судебному решению необходимость содержать в себе как правовые, так и фактические основания его вынесения, которые могут приобретать различное значение для целей обжалования в условиях дифференциации уголовно-процессуальной формы. Последнее однако не отменяет того факта, что полностью безмотивное решение в любом случае невозможно эффективно обжаловать.

Прецедентная практика ЕСПЧ также рассматривает необходимость отражения в судебных решениях оснований их принятия не только как важную составляющую обеспечения права на справедливое судебное разбирательство в целом, но и в таких его узких аспектах, как право на обжалование и средство общественного контроля за отправлением правосудия. Данные выводы содержатся в постановлениях ЕСПЧ по делам *Suominen v. Finland*¹², *Hadjianastassiou v. Greece*¹³, *Zarouali v. Belgium*¹⁴, *Planka v. Austria*¹⁵ и *R v. Belgium*¹⁶.

защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Томск, 20–22 сентября 2007 г.) / под ред. М.К. Свиридова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 14; Гагиев А.К. Указ. соч. С. 7; Банников Г.Н. Указ. соч. С. 20.

- ¹² *Suominen v. Finland*: Judgment of 1 July 2003: App. No. 37801/97. Para. 37 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61178> (дата обращения: 08.07.2020).
- ¹³ *Hadjianastassiou v. Greece*: Judgment of 16 December 1992: App. No. 12945/87. Para. 33 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57779> (дата обращения: 08.07.2020).
- ¹⁴ *Zarouali v. Belgium*: Decision of 29 June 1994: App. No. 20664/92. P. 108–109 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf?library=ECHR&id=001-86317&filename=ZAROUALI%20v.%20BELGIUM.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).
- ¹⁵ *Robert Planka v. Austria*: Decision of 15 May 1996: App. No. 25852/94 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-2916> (дата обращения: 08.07.2020).
- ¹⁶ *R v. Belgium*: Decision of 30 March 1992: App. No. 15957/90. P. 198 // Сайт Европейского суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf?library=ECHR&id=001-85287&filename=R.%20v.%20BELGIUM.pdf> (дата обращения: 08.07.2020).

При этом необходимость отражения в приговоре оснований его принятия, которыми, как было сказано ранее, в первую очередь выступают результаты процесса доказывания, в нашем понимании также охватывается понятием обоснованности приговора, но уже в качестве его внешней, формальной составляющей¹⁷.

В свою очередь, мотивированность приговора требует среди прочего отражения судом в приговоре достаточного анализа позиций сторон по уголовному делу, заявляемых ими доводов, что также вытекает из одного из аспектов права на справедливое судебное разбирательство¹⁸, тем самым дополняя и развивая необходимость отражения в судебном решении оснований его принятия, что обеспечивает наиболее полную реализацию права на судебную защиту.

Исходя из вышеуказанного, следует заключить, что обоснованность и мотивированность приговора обеспечивают реализацию права на судебную защиту по уголовным делам в двух аспектах. Во-первых, в качестве исключения возможности вынесения произвольных, не основанных на доказательствах приговоров, а во-вторых, в качестве обеспечения возможности обжалования вынесенного приговора в случае несогласия с его содержанием одной из сторон. Таким образом, обоснованность и мотивированность выступают необходимыми составляющими права на судебную защиту, призванными обеспечить реализацию правосудия по уголовному делу в его конституционно-правовом смысле, а именно обеспечить реальную, а не иллюзорную защиту прав и свобод человека и гражданина.

¹⁷ См. подр.: Писаревский И.И. Внешнее выражение обоснованности приговора (сравнительно-исторический аспект) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 59–66.

¹⁸ См. подр.: Писаревский И.И. Проблема учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство // Российский судья. 2016. № 3. С. 25–30.

Литература

1. Абознова О.В. Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе : диссертация кандидата юридических наук / О.В. Абознова. Екатеринбург, 2006. 205 с.
2. Анохин А.Н. Право на судебную защиту личности : герменевтический подход / А.Н. Анохин, Н.Н. Мандрыка // Российский судья. 2015. № 10. С. 6–9.
3. Банников Г.Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / Г.Н. Банников. Саратов, 2006. 230 с.
4. Гагиев А.К. Право на судебную защиту как конституционная гарантия / А.К. Гагиев // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 5–7.
5. Писаревский И.И. Внешнее выражение обоснованности приговора (сравнительно-исторический аспект) / И.И. Писаревский // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 59–66.
6. Писаревский И.И. Проблема учета в приговоре доводов сторон в контексте права на справедливое судебное разбирательство / И.И. Писаревский // Российский судья. 2016. № 3. С. 25–30.
7. Трубникова Т.В. Место права на судебную защиту в уголовном процессе РФ / Т.В. Трубникова // Право на судебную защиту в уголовном процессе: Европейские стандарты и российская практика : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Томск, 20–22 сентября 2007 г.) / под редакцией М.К. Свиридова. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 13–21.
8. Трубникова Т.В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации : учебное пособие / Т.В. Трубникова. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2011. 296 с.

**Редакционная политика Объединенной редакции
«Издательская группа «Юрист» запрещает:**

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

Непризнание и неисполнение решений международных судебных органов как право государства

Кривенкова Мария Витальевна,

заведующая кафедрой гражданского права и гражданского процесса

Набережночелнинского института

Казанского (Приволжского) федерального университета,

кандидат юридических наук, доцент

MVKrivenkova@kpfu.ru

Призывание государства к ответственности за совершение международно-противоправного деяния может осуществляться потерпевшим субъектом непосредственно либо посредством обращения в органы международного правосудия. Сам процесс разрешения спора в таких органах серьезным образом отличается от внутригосударственного судебного процесса, а принимаемые международными органами судебные решения существенно отличаются от решений внутригосударственных судов не только тем, в каких формах возлагается ответственность на государство-правонарушителя, но и тем, каким образом осуществляется имплементация таких решений. Зачастую международные суды выходят далеко за рамки буквального толкования тех международных договоров и соглашений, которые ложатся в основу правоприменения, что порождает вопрос о том, обладают ли государства правом не признавать и не исполнять решения международных судебных органов. Право государств на непризнание и неисполнение решений международных судебных органов не закреплено ни в одном международном договоре или статуте органа международного правосудия, но фактически государства прибегают к таким действиям, и отрицание данного права государства или наложение запрета на подобные действия государств неэффективно, поскольку это может поставить под вопрос участие государств в международных договорах, учредивших соответствующие судебные органы.

Ключевые слова: международно-правовая ответственность, международное правонарушение, международный судебный орган, непризнание решения суда, неисполнение судебного решения.

Non-Acknowledgment and Non-Fulfillment of Judgments of International Judicial Authorities as a Right of a State

Krivenkova Maria V.

Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure

of the Naberezhnye Chelny Institute of the Kazan (Volga Region) Federal University

PhD (Law), Associate Professor

Injured legal entity may invoke international responsibility of a state individually or by means of applying to a court. The process of the dispute settlement in the international judicial bodies differs from the domestic process. Decisions of international and internal judicial bodies also differ not only in forms of responsibility but mostly by the way of implementation of these decisions. Very often international judicial bodies go beyond literal interpretation of international treaties their decisions based on. Such practice gives rise to a question whether states have a right for non-recognition and non-execution international judicial bodies' decisions. This right is set forth neither in international treaties nor in statutes of international judicial bodies, but in fact states fall back upon such measures. Negation of this right and imposition of a prohibition on such actions is ineffective, as there may cause a question of necessity of states' participation in international treaties institutionalizing that judicial body.

Keywords: international legal responsibility, international offense, international judicial authority, non-recognition of a court decision, non-execution of a court decision.

Призывание к международно-правовой ответственности может осуществляться потерпевшим субъектом самостоятельно или посредством обращения в судебные органы междуна-

родного правосудия. Второй способ имеет свою специфику, существенным образом отличающую международный правоприменительный процесс от процесса внутригосударственного.

Основное отличие видится в том, что на международном уровне судебные органы создаются по договоренности между государствами, которые к тому же путем достижения соглашения наделяют создаваемые ими органы определенным объемом полномочий, определяют их компетенцию. Аналогичным образом государства действуют и при разработке и подписании отраслевых международных договоров, регулирующих отдельные виды отношений, входящих в предмет международного права, — определяют подсудность споров, вытекающих из неисполнения или ненадлежащего исполнения международных обязательств по таким договорам.

В настоящее время основной проблемой является то, что решения международных судов зачастую выходят далеко за рамки буквального толкования тех международных договоров и соглашений, которые ложатся в основу правоприменения.

С одной стороны, это вполне логично, учитывая, что большинство таких соглашений заключались достаточно давно и с того момента произошли существенные изменения в жизни общества, что вынуждает суды адаптировать относительно «устаревшие» нормы к новым реалиям. Те общественные отношения, которые возникли значительно позже достижения государствами договоренностей по вопросам защиты прав человека, необходимо каким-то образом урегулировать с использованием существующих норм международного права. Но, как справедливо подчеркивает Т.Н. Нешатаева, именно использование эволютивного толкования способствует развитию международного права¹.

С другой же стороны, любое расширительное толкование международного договора может повлечь вольную трактовку норм международного права, порождаемую субъективным взглядом судей на содержание международных договоров. Попытка уяснить смысл,

который вкладывали договаривающиеся государства в те или иные нормы, может привести к неверному пониманию этого смысла, а значит, к неверному толкованию и правоприменению. А.С. Исполинов отмечает, что потенциальная возможность выхода суда за отведенные рамки в виде ошибочных, непредсказуемых или крайне спорных решений, а также потеря контроля над судом являются основным риском для государств².

В связи с этим возникает крайне актуальный в настоящее время вопрос: обладают ли государства правом не признавать и не исполнять решения международных судебных органов?

Для того чтобы решения международных судебных органов имели юридическое значение и являлись обязательными к исполнению государствами-ответчиками, необходимо, чтобы, во-первых, разрешение возникшего спора входило в компетенцию данного органа, а во-вторых, чтобы государство-ответчик признало юрисдикцию данного органа в отношении споров с его участием. Такое согласие может оформляться различным образом, в зависимости не только от вида самого правоприменительного органа (ad hoc или постоянно действующий орган), но и от момента оформления такого признания (на этапе создания данного органа или при последующем присоединении к международному договору о его создании).

В соответствии с положениями Статута Международного Суда ООН он открыт для всех государств, являющихся участниками Статута. Статья 94 Устава ООН возложила на каждого члена Организации обязанность выполнять решения Международного Суда по делам с их участием. Отказ от исполнения решений Международного Суда ООН порождает право другой стороны спора обратиться в Совет Безопасности ООН, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или

¹ Нешатаева Т.Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 53–66.

² Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС): монография. М.: Юстицинформ, 2018. С. 43.

решить о принятии мер для приведения решения в исполнение.

Обязательная для государств сила постановлений Европейского суда по правам человека по делам, в которых они являются сторонами, закреплена ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Надзор за их исполнением возложен на Комитет министров.

Статья 33 Статута Международного Трибунала ООН по морскому праву закрепила окончательность и обязательную силу его решений для всех сторон в споре. Разрешая споры по существу, он, по сути, устанавливает наличие или отсутствие правонарушения, осуществляет ситуативное толкование положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Как видим, государства, являясь не только основными субъектами международного права, но и творцами международно-правовых норм, путем заключения соглашений между собой сами возлагают на себя определенные обязанности и тем самым отказываются в определенной степени от свободы усмотрения и суверенитета для эффективного функционирования международного сообщества в целом. Заключая договоры и наделяя международные суды компетенцией по рассмотрению различных споров, государства добровольно возложили на себя обязанность признавать обязательность и законную силу принимаемых такими органами решений.

Но в том-то и заключается особенность международного права. Учитывая, что создание норм осуществляется на основе согласования воли договаривающихся государств, а сами нормы содержатся не во властных предписаниях, а в договорах, их изменение и расторжение подчиняется общим положениям, содержащимся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и в специальных положениях отраслевых международных договоров. А в них предусматривается и право на внесение изменений или поправок, и право на приостановление, денонсацию и выход

государств из договоров. То есть если излишняя «самостоятельность» в деятельности международного судебного органа начинает вызывать обеспокоенность государств в связи с расширительным толкованием положений международных договоров или формированием собственной политики, идущей вразрез с политикой государств, создавших такой орган, «создатели» могут внести коррективы в деятельность суда. Это можно сделать путем внесения поправок в международный договор, ограничивающих компетенцию суда, или путем более подробной детализации тех норм, которые получили расширительное толкование, выходя далеко за рамки заложенного в них государствами смысла.

Не исключен и вариант выхода из договора, учредившего такой международный судебный орган, путем его денонсации с целью отказа от признания его обязательной юрисдикции, прекращения деятельности суда по соглашению между государствами, создавшими орган.

Обращение к столь радикальным действиям возможно, пожалуй, лишь при формировании стойкого неприятия деятельности международного суда, если его деятельность в целом более не соответствует тем ожиданиям и надеждам, которые возлагало на данный орган государство при его создании. То есть если международный орган правосудия настолько исчерпал лимит доверия и настолько вышел за рамки целей его создания, что государство больше не видит потребности в дальнейшей его работе или в дальнейшем сотрудничестве с ним.

Но возможны и такие ситуации, когда государство в целом видит целесообразность и дальнейшего существования данного органа международного правосудия, и взаимодействия с ним, но отдельные его решения рассматривает как противоречащие внутригосударственным интересам или выходящими за рамки компетенции суда, политически ангажированными. В этом случае государства действительно не заинтересованы в разрыве отношений, но и

отстаивание собственных интересов считают необходимым. В таких ситуациях государства-ответчики прибегают к крайней мере — отказываются исполнять решение суда. Стоит отметить, что право на неисполнение решения международного судебного органа не закрепляется ни в одном международном договоре и тем более статуте суда, что является вполне логичным, поскольку обратное изначально поставило бы под вопрос необходимость и целесообразность создания правоприменительного органа, чьи решения вообще не носят обязательный характер. Тем не менее в отсутствие такого права государства либо идут на открытую конфронтацию, непризнание и неисполнение решения суда, как США в деле Никарагуа против США³ и Исландия⁴, либо прибегают к внутригосударственным процедурам официального обоснования своей позиции и отказа от исполнения решений. Во втором случае государства, дабы пресечь выход международных судов за пределы своей компетенции и ограничить их вмешательство во внутренние дела государства и национальное законодательство, как правило, используют два способа. Первый способ — пересмотр на уровне внутригосударственного законодательства вопроса о примате международных договоров над национальным правом, второй способ — пересмотр в каждом конкретном случае решения международного суда высшим органом внутригосударственной судебной власти. Вторым способом уже пользовались отдельные государства, не согласные с вынесенными международными судебными органами решениями, в частности, Венесуэла, Чили, Италия, США. Как отмечает А.Л. Паулус, имплементация решений международных судебных органов в США осложняется случаями признания

³ Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 14.

⁴ Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland), Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1973, P. 3 ; Fisheries jurisdiction case (Federal Republic of Germany v. Iceland). Jurisdiction of the Court, I.C.J. Judgment, 2 February 1973.

Правительством США таких решений не просто ошибочными, а *ultra vires*, а следовательно, и не обязывающими⁵. А в 2016 г. к данному способу прибегла и Российская Федерация, передав вопрос о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России»⁶. В своем решении Конституционный Суд России признал решение ЕСПЧ противоречащим положениям Конституции России. Это повлекло неисполнение решения международного судебного органа.

С точки зрения международного права, безусловно, непризнание и неисполнение решений международных судебных органов является ударом по репутации суда и порождает сомнения в эффективности судебного органа, поскольку в научной литературе зачастую эффективность суда оценивается именно с точки зрения исполнения выносимых им решений⁷ и способности международного судебного органа обеспечить выполнение его решений посредством убеждения национальных судебных органов⁸.

Однако стоит отметить, что непризнание и неисполнение решений международных судебных органов является отнюдь не правилом, а, напротив, исключением из общего правила, особенно если сопоставить количество принятых международными судебными органами решений с количеством исполненных и неисполненных решений именно по

⁵ Paulus A.L. From Neglect to Defiance? The United States and International Adjudication // The European Journal of International Law. 2004. Vol. 15. Is. 4. P. 802.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России“ в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Posner E., Yoo J. Independence in International Tribunals // California Law Review. 2005. Vol. 93. Is. 1. P. 28.

⁸ Helfer L., Slaughter A.-M. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication // The Yale Law Journal. 1997–1998. Vol. 107. P. 278.

причине отказа их исполнять. Это скорее эффективный способ взаимодействия между государством и международными судебными органами или, как справедливо отметил А.С. Исполинов, одна из форм контроля со стороны государств за делегированными судам полномочиями⁹. К тому же судить об эффективности судебного органа по количеству исполненных решений довольно сложно, поскольку данные решения не всегда содержат сроки их исполнения или могут быть исполнены по прошествии значительного количества времени. Как отмечает А.С. Смбалян, это критерий, проверяемый статистически, но не объективный для оценки деятельности судебного органа¹⁰.

Поэтому решение данной проблемы видится отнюдь не в расширении судебной функции суда для включения более широких возможностей для проверки соблюдения его решений, как это предлагают, к примеру, Х. Келлер и С. Марти¹¹. Такое расширение функ-

ций приведет не только к дополнительной нагрузке на суды, которые уже являются перегруженными, но и к прямо противоположному эффекту — стремлению государств выйти из-под юрисдикции международных судов. Полагаю, необходимо констатировать, что право государств на непризнание и неисполнение решений международных судебных органов, не будучи закрепленным ни в одном международном договоре или статуте органа международного правосудия, тем не менее существует *ipso facto*. Отрицание данного права государства и любой запрет на подобные действия государств при наличии серьезного конфликта между необходимостью исполнения решения международного судебного органа и необходимостью соблюдения национальных интересов может привести к негативным последствиям в долгосрочной перспективе, а именно может поставить под вопрос необходимость участия государств в международных договорах, учредивших соответствующие судебные органы.

⁹ Исполинов А.С. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М.: Статут, 2012. С. 63.

¹¹ Keller H., Marti C. Reconceptualizing Implementation: The Judicialization of the Execution

of the European Court of Human Rights' Judgments // The European Journal of International Law. Vol. 26. Is. 4. P. 850.

Литература

1. Исполинов А.С. Суды региональных интеграционных объединений в системе международного правосудия (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : монография / А.С. Исполинов. Москва : Юстицинформ, 2018. 312 с.
2. Нешатаева Т.Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах / Т.Н. Нешатаева // Международное правосудие. 2018. № 1 (25). С. 53–66.
3. Смбалян А.С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права / А.С. Смбалян. Москва : Статут, 2012. 270 с.

References

1. Helfer L. Toward a Theory of Effective Supranational Adjudication / L. Helfer, A.-M. Slaughter // The Yale Law Journal. 1997–1998. Vol. 107. P. 273–391.
2. Keller H. Reconceptualizing Implementation: The Judicialization of the Execution of the European Court of Human Rights' Judgments / H. Keller, C. Marti // The European Journal of International Law. Vol. 26. Is. 4. P. 829–850.
3. Paulus A.L. From Neglect to Defiance? The United States and International Adjudication / A.L. Paulus // The European Journal of International Law. 2004. Vol. 15. Is. 4. P. 783–812.
4. Posner E. Independence in International Tribunals / E. Posner, J. Yoo // California Law Review. 2005. Vol. 93. Is. 1. P. 1–74.

Принципы судебной власти в России: завершающий этап конституционного проектирования

Тресков Алексей Павлович,

доцент кафедры теории государства и права

Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС),

федеральный судья в отставке,

кандидат юридических наук

altreskov@yandex.ru

В статье продолжается исследование конституционных принципов судебной власти, элементы которых можно найти в исторических проектах конституций Российской империи 1762–1881 гг. Среди них проект декабриста Н.М. Муравьева 1822–1826 гг., Регламент Молдавии и Валахии 1831–1832 гг. Указанные конституционные проекты не получили официального признания и легитимации, чем вызван интерес к изучению конституционной мысли имперского периода развития России. На основе анализа данных исторических актов выделяются такие принципы судопроизводства, как принцип гласности и открытости, принцип состязательности сторон, принцип, чтобы каждый судим был судьями равного с ним состояния, принцип торжественности проведения заседания, а также принципы судостройства: принцип назначения судей, принцип разделения судов на инстанции, принцип равенства Состязатель Судей и др.

Ключевые слова: принципы, судебная власть, суд, независимость, взаимодействие, открытость, Конституционный суд, конституционализм.

Principles of the Judiciary in Russia: The Final Constitution Design Stage

Treskov Aleksey P.

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law

of the Rostov State Transport University (RSTU)

Federal Judge Emeritus, PhD (Law)

The article is concerned with the principles of the judiciary in the Russian Empire constitutional drafts. Among them: draft by the Decembrist N.M. Muraviev 1822–1826, Standing Orders of Moldavia and Wallachia 1831–1832. These constitutional drafts did not receive official legitimation, but have a great significance for constitutional law and historic development of Russian constitutionalism. The principles are also separated: principle of publicity, adversary nature of the judicial process, judicial proceeding by a judge equal to the convicted by social standing, principle of solemnity of the judicial process, principle of judge emplacement, separating courts on instances, judge equality, etc.

Keywords: principles, judiciary, court, independence, interaction, openness, the Constitutional Court, constitutionalism.

Историко-правовое наследие российской государственности свидетельствует о подготовке целого массива различных способов ограничения верховной власти, ключевым из которых является документирование подобного рода ограничений в основном законе страны — конституции. Данной деятельностью занимались не только официальные органы власти, но и те, кто ей противостоял. В любой попытке ограничить власть монарха существенным является декларирование как принципов судопроизводства, так и принципов судостройства.

В данной статье мы продолжаем рассматривать конституционные принципы

судебной власти, элементы которых можно отыскать в готовящихся и обсуждаемых в период 1762–1881 гг. конституционных проектах, не получивших, однако, легитимации.

В рамках предыдущих¹ работ² исследовательское внимание было посвящено более ранним конституционным про-

¹ Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: у истоков конституционного проектирования // Наука и образование: хозяйство и экономика: предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 39–43.

² Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: в продолжении конституционного проектирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 57–60.

ектам³, поэтому в данной работе мы бы хотели осветить следующий исторический этап конституционного проектирования.

Следующим в хронологии конституционных проектов является проект другого декабриста — Н.М. Муравьева. Известны четыре редакции данного проекта, однако не все из них сохранились. Впервые текст всех трех⁴ сохранившихся вариантов конституционного проекта в полном виде был опубликован в 1933 г. Поскольку редакции Проекта отличаются друг от друга, нами будут в интересующей части исследованы все три.

Как указывает советский историк Н.М. Дружинин, автор развил принципиальные предпосылки своей судебной реформы. В общем, он следовал буржуазным идеям англосаксонского права, которые нашли себе теоретическое признание в произведениях просветительской философии⁵.

В основе проекта положен принцип разделения властей, а также принцип равенства перед Законом. Наиболее четко принцип разделения властей встреча-

ется во второй редакции, в главе 11⁶, а также особое отделение судной власти от других ветвей также специально подчеркивается автором в третьей редакции: «...совершенно отделены... от судной»⁷.

Впервые в сравнении с ранее существовавшими конституционными проектами предлагался к закреплению институт присяжных: «...в судах безопасность, жизнь и собственность обеспечиваются присяжными»⁸, при этом избранием и назначением присяжных проектом наделяется тысяцкий⁹, который избирается гражданами на один год¹⁰. Вторая редакция проекта уточняет подсудность дел, отнесенных к компетенции присяжных: «Книги, подобно всем про-

³ В частности, таким как: подготовленному графом Н.И. Паниным в 1762 г. тексту, именуемому конституцией Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина; проекту «Всемиловнейшей жалованной грамоты, русскому народу жалуемой» 1801 г., авторами которого были граф А.Р. Воронцов и А.Н. Радищев, именуемому также «Грамота российскому народу»; плану государственного преобразования М.М. Сперанского, оформленному в виде «Введения к уложению государственных законов» 1809 г.; Государственной Уставной грамоте Российской империи, работу над текстом которой приписывают русскому государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, а также князю П.А. Вяземскому в период с 1818 по 1821 г.; проекту руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля, получившему название Русская Правда 1824 г.; проекту руководителя Южного общества декабристов П.И. Пестеля, получившему название Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского служащая Заветом для Усовершенствования Государственного Устройства России и Содержащая Верный Наказ как для Народа так и для Временного Верховного Правления.

⁴ Первый из сохранившихся вариантов — это текст, найденный в бумагах князя С.П. Трубецкого, второй — из бумаг И.И. Пущина, третий — проект, написанный его рукой в каземате крепости и представленный при ответах.

⁵ Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в.: избранные труды / отв. ред. С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1985. С. 188.

⁶ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 305, 322, 339, 356. (Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. № 1–2 (LXL–LXLI).)

⁷ Там же. С. 359.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ В Конституционном проекте Н.М. Муравьева полномочия тысяцкого в судебной сфере были весьма широки. Так, помимо упомянутого избрания и назначения присяжных, тысяцкий исполняет определения судей, покровительствует и охраняет судей во время отправления ими их должности, а получив от суда сообщение приговора присуждающего кого-либо позорному наказанию или узнав о банкротстве или общественной недоимке, объявляет о том в уезде и исключает то лицо из гражданских списков. Во второй редакции Проекта тысяцкий помимо прочего посылает вызовы к Суду, составляет список присяжных. При этом в основном тексте второй редакции нет полномочия исключения лица из гражданских списков, однако на полях в оригинале все же данное полномочие приписано почерком основного текста.

Другим должностным лицом, наделенным Проектом полномочиями в судебной сфере, является Державный Правитель, его наместник и Совет. Он... дает приказания войскам и военным судам, находящимся в пределах Державы, назначает по представлению своего Совета... судей и других чиновников из числа особ отмеченных в 3-м списке. Кроме того, отмечается, что в случае, если Дума будет судить Правителя, то председательствует в ней верховный Судия.

Среди субъектов, наделенных властью в судебной сфере, упоминается и Народное Вече (во второй редакции), которое наделяется правом наделять и отменять законы судные и исполнительные, в частности, имеется в виду издавать гражданское, уголовное, торговое и военное уложения, установить правила судопроизводства (см.: Там же. С. 309, 311, 317–318, 326, 328, 333, 361).

¹⁰ Там же. С. 309.

чим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат присяжным; ...всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебр.), поступает на суд присяжных; ...всякое уголовное дело производится с присяжными»¹¹. Третья редакция также содержит установления о присяжных: «Книги подвергаются обвинению в обыкновенных Судилищах при Присяжных»¹².

Первое упоминание о судоустройстве встречаем в главе четвертой: «...в судебном отношении Державы делятся на области, равныя пространством нынешним Губерниям»¹³, при этом на полях (в примечании в источнике) Н.М. Муравьев отмечает, что нынешние губернии должны составлять один судебный округ¹⁴. То же деление предлагается и во второй редакции проекта, с отличием, что область именуется округом¹⁵. Третья же редакция не содержит такого общего установления о судебной власти, а, наоборот, подробно структурирует ее.

Интересной и в то же время противоречивой особенностью проекта является наделение Думы судебной властью, хотя и с оговоркой, что впоследствии надлежит использовать обычную судебную процедуру уголовного преследования: «Дума одна имеет право судить чиновников обвиненных Палатою выборных. Никто не может быть объявлен виновным как только 2/3 голосов присутствующих. Власть думы ограничивается тем, что она объявляет подсудимого виновными лишает его занимаемого им места, объявляя его неспособным занимать какую либо должность. Отрешенный чиновник преследуется после того в присутственных местах обыкновенным судебным порядком при присяжных, по письменному обвинению державного блюстителя (который лично ответствен, в случае ежели бы обвинение оказалось несправедливым) и подвергается наказанию определенному законами»¹⁶.

¹¹ Там же. С. 322–323.

¹² Там же. С. 357.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ Там же. С. 308.

¹⁵ Там же. С. 326.

¹⁶ Там же. С. 314–315.

Об этом же упоминается и в главе 12: «Верх. Дума одна судит чиновников, Палата Представителей обвиненных 2/3 голосов присутствующих осуждают, Верх. Дума отрешает но судит суд обыкновенный, по письменному обвинению верх. Блюстителя»¹⁷ (под верховным блюстителем в проекте подразумевается генерал-прокурор¹⁸). На наш взгляд, раз рассматриваемым проектом Дума частично наделяется судебной властью, то можно сказать в этом случае и о принципе гласности и открытости¹⁹ судопроизводства, поскольку «заседания обеих Палат происходят при открытых дверях, кроме тех случаев, когда большинство определит чтоб рассуждение не было гласно»²⁰. Однако, в отличие от первой редакции, вторая не содержит полномочий Думы в сфере судебной власти, вместо этого речь сразу идет о Верховной Думе, при этом конкретизируется, кто может быть объектом рассмотрения дела: «Верховной Думе принадлежит Суд над Министрами, Верховными Судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями»²¹. Данный перечень сохранился и в третьей редакции²².

Следующий принцип в области судоустройства — в главе 13 «Об императоре»: «...назначает судей верховных мест и прочих чиновников»²³. Вторая редакция содержит данный принцип в главе 8, наделяя данным полномочием также и Думу: «Дума участвует вместе с Императором в заключении мира, в назначении Судей верховных Судебных мест»²⁴, а в главе 10 второй редакции «О Верховной исполнительной власти» повторяется, что император «назначает Судей Верховных судебных мест с со-

¹⁷ Там же. С. 320.

¹⁸ «Который лично ответствен Суду, когда обвинение докажется несправедливым. Изобличенный Судом Государственный Сановник подвергается казни определенной законами». См.: Там же. С. 331.

¹⁹ О публичности заседаний палат говорит и вторая редакция конституционного проекта. См.: Там же. С. 331.

²⁰ Там же. С. 315.

²¹ Там же. С. 330.

²² Там же. С. 358.

²³ Там же. С. 320.

²⁴ Там же. С. 331.

вета и согласия Верховной Думы»²⁵. Что же касается третьей редакции в данной части, то здесь принцип назначения судей (он же и принцип выборности, поскольку слова «назначать» и «выбирать» в третьей редакции проекта имеют одинаковый смысл): Совестной Судья «назначается обыкновенными избирателями и остается в своем звании, буде окажется непорочным до 70-ти летнего возраста»²⁶, здесь же: «Совестный Судья может быть избран из всякого звания...»²⁷. Областные Судьи «избираются Областными Палатами из списка особ имеющих движимого или недвижимого имущества ценою не менее 15000 серебрянных рублей»²⁸. Верховные Судьи: «Народное Вече избирает 5 или 7 Верховных Судей, которые пребывают в сем звании до 70 лет, естли окажутся непорочными»²⁹.

Поскольку рассматриваемый конституционный проект подразумевает административное деление страны на субъекты (державы, области, уезды или поветы), то и во второй редакции проекта предполагается наличие Судей Державных, полномочиями по назначению которых (по представлению совета) предложено наделить Державного Правителя³⁰. Однако о судьях областных, уездных в первой и второй редакции Проекта ничего не говорится.

Во второй редакции конституционного проекта можно усмотреть судебный принцип состязательности сторон, поскольку в нем предполагалось наделить тысяцкого обязанностью, в случае его участия в судебном процессе представлять доказательства другой стороне по делу: «Если кто потребует от Тысяцкого на то доказательства, то он обязан представить своему противнику в суде требуемые доказательства и документы»³¹. Кроме того, на принцип состязательности³²

указывает и сам перечень участников судебного процесса в третьей редакции: это присяжные, стряпчие или адвокаты, блюститель, который «соединяет в себе должность Прокурорскую и должность Стряпчего уголовных дел»³³. На это же указывает и Н.М. Дружинин в другой своей книге: по его мнению, в основу судебного процесса Н.М. Муравьев положил английский принцип состязательности сторон и неразрывно связанные с ним начала устности и гласности судопроизводства³⁴.

Рассматривая конституционный проект Н.М. Муравьева, в частности его вторую редакцию, нельзя обойти стороной рассуждение другого декабриста К.П. Торсона, поскольку оно является приложением к Конституции Н.М. Муравьева из бумаг И.И. Пущина, также декабриста и судьи Московского надворного суда с 1823 г.

В рассуждениях К.П. Торсона мы можем найти ранее предложенный в проекте «Всемиловнейшей жалованной грамоты, русскому народу жалуемой» 1801 г. (А.Р. Воронцов и А.Н. Радищев) принцип, чтобы каждый поданный судим был судьями равного с ним состояния: «Кажется ничего нет основательнее и справедливее, как для суждения обвиняемого избирать Судей из людей равного с ним состояния... занимающие высшие Государственные должности, в случае обвинения должны судиться членами оной палаты, чем предполагается сохранить равенство, между обвиняемым таковым чиновником и его судьями, т.е. членами высшей палаты, не только по названию но по уму и опытности в Государственных должностях, — сии доводы ясно показывают важность высшей палаты»³⁵.

Третья редакция Конституции Н.М. Муравьева представляется инте-

²⁵ Там же. С. 336.

²⁶ Там же. С. 359.

²⁷ Там же. С. 359.

²⁸ Там же. С. 361.

²⁹ Там же. С. 362.

³⁰ Там же. С. 344.

³¹ Там же. С. 327.

³² Сомнительным является в этом смысле закрепление в третьей редакции того, что адвокаты находятся в ведении у Блюстителей (то есть Про-

куроров), что, конечно, не может иметь место в рамках равноправия и состязательности. При этом в предыдущих редакциях проекта данной особенности не закреплено. Возможно, это связано с тем, что последняя редакция писалась автором уже в каземате. См.: Там же. С. 361.

³³ Там же. С. 361.

³⁴ Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. С. 189.

³⁵ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. С. 347.

ресной помимо прочего, поскольку в ней автор предусмотрел несколько отдельных глав, посвященных судной власти, которые содержат самые подробные и обширные установления о судоустройстве в сравнении с другими редакциями (однако в третьей редакции главы не пронумерованы).

Согласно третьей редакции судоустройство принципиально разделено на Совестных Судей в Уезде → Областных Судей в областях → Верховных Судей в Столичном Округе. Глава содержит достаточно подробное описание необходимого количества судей в зависимости от уровня суда, а также требований, предъявляемых к судьям соответствующего уровня, порядка обжалования судебных актов, компетенции³⁶ судебных инстанций.

Итак, судоустройство в третьей редакции проекта конституции Н.М. Муравьева состоит из следующих инстанций.

1. Совестные Судьи в Уезде делились:

а) на судей, которые рассматривали дела единолично, а именно полагался один судья на 4000 душ; б) Съезд Совестных Судей — коллегиальный орган, который рассматривал дела как вышестоящий суд в апелляционном порядке³⁷ на решения Совестных Судей.

2. Областные Судьи в областях делились: а) на судей по гражданским делам, юрисдикция которых распространялась на свой «Присуд»; б) Уездные Заседания по уголовным делам³⁸ — коллегиальный орган в составе Совестных Судей и под председательством Областного судьи;

³⁶ Среди полномочий судебной власти в проекте можно отыскать несвойственную судам компетенцию наделения гражданством иностранных граждан: «Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства Российского у судебной власти». См.: Там же. С. 321.

³⁷ «Каждые три месяца в Уездном Городе и в главнейших местечках Уезда происходят Съезды Совестных Судей, в которые поступают апелляции на частные решения Сов. Судей». См.: Там же. С. 360.

³⁸ «Каждые шесть месяцев Областные Судьи объезжают свой Присуд и в каждом Уездном Городе держат свои заседания... На сих Уездных Заседаниях собираются Сов. Судьи того Уезда и под председательством Областного Судьи решат уголовные дела». См.: Там же. С. 361–362.

в) Областное Судилище — также коллегиальный орган, который рассматривал уголовные дела как вышестоящий суд в апелляционном порядке на приговоры Уездных Заседаний (в исключительных случаях)³⁹.

3. Верховные Судьи. Не делились на категории. Их юрисдикция распространялась на всю территорию государства. В их компетенцию входило: суд над верховными чиновниками, разрешение споров из международных договоров, а также своеобразное обобщение судебной практики нижестоящих судов, применение мер реагирования на нарушение закона нижестоящими судами, изучение законов с целью внесения в них изменения⁴⁰.

Необычным представляется декларирование принципа равенства Совестных Судей: «Все Совестные Судьи равны между собою и власть каждого равномерно простирается на весь уезд»⁴¹, поскольку далее в проекте более не встречается подобное, которое можно было бы отнести к судьям других уровней.

В каком-то смысле из текста главы можно выделить принцип торжественности проведения заседания апелляционной инстанции: «Съезды сии объявляются за две недели вперед и происходят с торжественностью»⁴², как и уездное заседание под председательством Областного Судьи.

Рассматриваемая глава третьей редакции напрямую декларирует именно принцип публичности или открытости судебного разбирательства (в предыдущих главах и редакциях говорилось лишь об открытости заседаний Думы, которая частично наделялась судебной властью): «Совестной Судья судит гласно

³⁹ Что касается актов, вынесенных с участием присяжных, то они обжалованию не подлежат: «Дело Гражданское или Уголовное происходившее с Присяжными уже окончательно решено и нет на него апелляции ни пересуда», однако исключение из этого правила все же предусмотрено: «Областное Судилище принимает апелляции на Уездные Заседания, в том только случае, когда вследствие приговора Окончательных Присяжных Судьи не тот применили Закон к делу, который следовало». См.: Там же. С. 362.

⁴⁰ Там же. С. 361–363.

⁴¹ Там же. С. 360.

⁴² Там же. С. 360.

и явно при открытых дверях»⁴³, «Обл. Судилище судит при открытых дверях и журналы оного предаются тиснению»⁴⁴, «Его суждения (Верховного Судилища. — А.Т.) гласны на подобие Сов. Съездов, Уездных Заседаний и Обл. Судилищ и происходят с Присяжными»⁴⁵.

В третьей редакции проекта весьма много уделено судебным учреждениям и их структуре, однако в целом сами принципы судоустройства и судопроизводства задекларированы весьма скудно.

Таким образом, данным конституционным проектом были охвачены такие принципы судопроизводства, как принцип гласности и открытости, принцип состязательности сторон, принцип, чтобы каждый судим был судьями равного с ним состояния, принцип торжественности проведения заседаний.

А также принципы судоустройства: принцип назначения судей, принцип разделения судов на инстанции, принципа равенства Состязательных Судей.

Следующим конституционным проектом, представляющим интерес в контексте русской конституционной мысли и закрепления принципов судебной власти, является Регламент Молдавии и Валахии⁴⁶ 1831–1832 гг. Указанный Регламент был подготовлен под руководством⁴⁷ русского государственного деятеля, командующего российскими войсками в Дунайских княжествах, и впоследствии под временным управлением которого находились данные территории, П.Д. Киселева. Данный регламент входил в так называемый «Отчет генерал-адъютанта Киселева по управлению Молдавией и Валахией, с 15 ноября 1829 по 1 января 1834 года». Поручение

о создании администрации Молдавии и Валахии было связано с окончанием русско-турецкой войны вследствие заключения Адрианопольского мирного договора (трактата) 1829 г. и неудовлетворительным, бедственным положением данных территорий, которые перешли под протекторат России.

Изначально глава 7 заключала устройство судебной части. Было провозглашено отделение власти судебной⁴⁸ от административной («отделяя оную от исполнительного ведомства»)⁴⁹.

Первое упоминание о судопроизводстве находится в ч. 7 Регламента «Формирование земской стражи». Так, «Для управления милицией составлен воинский устав, в коем изложены правила, обязанность и ответственность каждого чина... военное судопроизводство и обучение войска»⁵⁰, в связи с чем можно засвидетельствовать выделение отдельного вида судов — военных.

Суду в Регламенте (в отчете П.Д. Киселева) посвящена отдельная глава 15. Необходимость изменения действовавшей системы была вызвана неопытностью судей, противоречивостью законов, запутанностью процесса и др. Так, были учреждены так называемые княжеские диваны из членов судебного дивана⁵¹.

Регламент делил судебную власть на три инстанции: уездный трибунал → судебный диван → верховный диван. Устанавливалось, что по окончании рассмотрения дела во всех трех инстанциях процесс оканчивался навсегда⁵² (дела, единожды решенные в установленных

⁴³ Там же. С. 360.

⁴⁴ Там же. С. 362.

⁴⁵ Там же. С. 363.

⁴⁶ Как известно, из территории бывших Валахии и Молдавии образовались нынешняя Румыния и Молдавия, из так называемых Дунайских княжеств, на левом берегу Дуная. См.: Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб. : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899. Т. 27. С. 259.

⁴⁷ В одном из источников прямо указано, что «органический регламент писал Киселев». См.: Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II : в 4 т. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. С. 351.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 362.

⁴⁹ Там же. Т. 4. С. 144.

⁵⁰ Там же. Т. 4. С. 128.

⁵¹ Возможно, данное слово было выбрано составителями Регламента в связи с тем, что накануне была окончена русско-турецкая война и под влиянием восточной культуры использовалось обозначение «диван», которое имеет восточную этимологию. Так, в Турции диван — то же, что и высокая Порга, тайный совет султана, состоящий под председательством великого визиря из Шейх-уль-Ислама, министров и председателя государственного совета. Диванами стали называть и другие собрания сановников или чиновников по административным и судебным делам. См.: Энциклопедический словарь. Т. 10. С. 570.

⁵² Заблоцкий-Десятовский А.П. Указ. соч. Т. 4. С. 137.

формах, не могут быть подвергаемы новому рассмотрению и остаются навсегда неприкосновенными)⁵³, однако было и исключение, если имели место разногласия трибуналов, то дело рассматривалось окончательно в высшем ревизионном диване. В компетенцию судебных инстанций входили следующие дела.

Уездный трибунал (первая инстанция). Здесь начинаются все процессы гражданские, коммерческие и уголовные и решения приводятся в исполнение, если цена иска не превышает 1500 левов.

Вторая инстанция (по сути, не имеет единого названия, так как делится на несколько видов), сюда переходят дела в апелляционном порядке, если цена дела (иска) превышает указанную сумму: гражданские — в судебный диван, коммерческие — в коммерческий трибунал, уголовные — в уголовный департамент.

⁵³ Там же. Т. 4. С. 144.

Верховный диван (третья инстанция) решал всякого рода дела окончательно и представлял приговор через логофета (министра юстиции) на утверждение господарю, однако господарь не имел права судить, но в случае неправильного применения закона мог обратиться для пересмотра в высший ревизионный диван (по Валахии), составленный наполовину из членов судебных учреждений, наполовину из членов общего собрания по избранию господаря⁵⁴. А по Молдавии — в княжеский диван⁵⁵.

Итак, проанализированным Регламентом, как мы видим, не были прямо закреплены принципы судопроизводства, однако структурирована система судебных инстанций, из которой мы можем выделить принцип судостроительства, который заключается в делении вертикали судов от низших к высшим с возможностью обжалования судебных актов.

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 362.

⁵⁵ Там же. Т. 4. С. 144.

Литература

1. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев / Н.М. Дружинин. Москва : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 402 с. (Историко-революционная библиотека. Воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. № 1–2 (LXL–LXLI).)
2. Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. : избранные труды / Н.М. Дружинин ; ответственный редактор С.С. Дмитриев. Москва : Наука, 1985. 485 с.
3. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. В 4 томах. Т. 1. Первые годы жизни и начало службы Киселева (1788–1819). Служба Киселева в звании начальника главного штаба 2-й армии (1819–1828). Участие в войне с Турцией (1828–1829). Управление Дунайскими княжествами (1824–1834) / А.П. Заблоцкий-Десятовский. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 422 с.
4. Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. В 4 томах. Т. 4. Приложения к I, II и III томам / А.П. Заблоцкий-Десятовский. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 353 с.
5. Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: в продолжение конституционного проектирования / А.П. Тресков // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 57–60.
6. Тресков А.П. Принципы судебной власти в России: у истоков конституционного проектирования / А.П. Тресков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 5 (108). С. 39–43.
7. Энциклопедический словарь. В 86 томах. Т. 10. Давенпорт — Десмин / под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899. 480 с.
8. Энциклопедический словарь. В 86 томах. Т. 27. Розавен — Репа / под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899. 480 с.

Становление судебного администрирования как результат работы Всероссийских съездов судей

Латышева Наталья Аркадьевна,

доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
latyshevanatalia@yahoo.com

С октября 1991 г. судебное сообщество подводит итоги своей деятельности, а также формирует ближайшие и долгосрочные перспективы в рамках проводимых на демократической и гласной основе Всероссийских съездов судей. Коренные преобразования судебной деятельности вспомогательного (обеспечительного) характера стали возможны благодаря воле каждого из членов судебного сообщества, выраженной посредством реализации института представительства. Сформированная система организационного обеспечения деятельности судов, в отличие от ее миножестовской предшественницы — системы судебного управления (организационного руководства судами), позволила нивелировать разрыв между актуальными потребностями всех видов судопроизводства и постановкой конкретизированных задач, обеспечив скрупулезный контроль их исполнения.

Ключевые слова: Всероссийский съезд судей, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, судебное делопроизводство, судебное администрирование.

The Establishment of Judicial Administration as a Result of the Work of All-Russian Judiciary Conventions

Latysheva Natalya A.

Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice
PhD (Law)

Since October 1991, the judicial community has been summarizing its activities, as well as forming immediate and long-term prospects within the framework of the All-Russian Congresses of Judges held on a democratic and transparent basis. Fundamental transformations of judicial activity of an auxiliary (interim) nature became possible due to the will of each member of the judicial community, expressed through the implementation of the institution of representation. The formed system of organizational support for the activities of the courts, unlike its predecessor, the Ministry of Justice, the judicial management system (organizational management of the courts), made it possible to bridge the gap between the actual needs of all types of legal proceedings and setting specific tasks, ensuring scrupulous control over their implementation.

Keywords: All-Russian Congress of Judges, the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation, court proceedings, judicial administration.

Возможность и порядок проведения Всероссийских съездов судей закреплены в ст. 6 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судебной системы»¹ (далее — Закон № 30-ФЗ). Данный высший орган судебной системы вправе принимать

решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судебного сообщества, то есть судей федеральных судов всех видов и уровней, судей судов субъектов РФ, которые составляют судебную систему Российской Федерации (ст. 1 Закона № 30-ФЗ). В установленных условиях широкого толкования термина «деятельность судебного сообщества» функционал судебного администрирования может быть отнесен к сфере

¹ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судебной системы» (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

интересов Всероссийского съезда судей, исходя из общей задачи судейского сообщества (п. 3 ст. 4 Закона № 30-ФЗ) — участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности. Между тем признание существования судебной деятельности вспомогательного характера в современных научных исследованиях² создаст потребность уточнения содержания ст. 6 Закона № 30-ФЗ с расширением полномочий Всероссийского съезда судей за счет конкретизации: «Съезд правомочен принимать решения по всем вопросам, относящимся к деятельности судейского сообщества и иным задачам организации судебной деятельности в Российской Федерации...».

Поиски верного направления нового судебного строительства являлись основными вопросами, которые были предметом принципиальных дебатов первых Всероссийских съездов судей. В частности, на третьей секции I Всероссийского съезда судей Российской Федерации, который состоялся 17–18 октября 1991 г., лишь подходили к пониманию новых реалий, формулируя задачи в привычном субъектном контексте: «Суд и органы юстиции: проблемы взаимоотношений»³. Отдельные критические моменты в организации судебного делопроизводства звучали в выступлении Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева на II Всероссийском съезде судей, прошедшем 29–30 июня 1993 г. Отмечались, в частности, «нарушения при оформлении дел, изготовлении протоколов, ознакомлении с протоколами судебного заседания, направлении дел в кассационную инстанцию»⁴. По прошествии немногим менее года, на III (внеочередном) Всероссийском

съезде судей (24.03.1994), казалось бы, на долгую перспективу был определен уполномоченный субъект в сфере организационного обеспечения судов. Им, по мнению его делегатов, должен был стать Судебный департамент, действующий в составе Министерства юстиции РФ и контролируемый со стороны органов судейского сообщества⁵. Но это решение вскоре претерпело принципиальные изменения — 4 декабря 1996 г. был экстренно созван IV (Чрезвычайный) Всероссийский съезд судей. Тогда, открывая Съезд своим выступлением, Президент РФ отметил повседневную реальность 1996 г. — многочасовые очереди на прием, плохая работа канцелярий, элементарная неорганизованность. Сложность переживаемого страной времени была зафиксирована в характеристиках судебного делопроизводства, содержащихся непосредственно в постановлении Чрезвычайного съезда: «В судах отсутствуют судебные повестки и конверты, необходимые для извещения и вызова в судебные заседания участников судебного процесса, нет денег на командировочные расходы для рассмотрения дел по месту совершения преступления...»⁶. Учитывая опыт первых лет реализации Концепции судебной реформы 1991 г., поиска оптимальных решений, изучения мирового опыта, судейское сообщество пришло к выводу о необходимости создания «влиятельного координирующего органа», способного обеспечить административное управление по обеспечению судебной деятельности. В этой связи произошел окончательный отказ от минюстовского патронирования и четко установлено положение будущего Судебного департамента как действующего «при судебной системе Российской Федерации»⁷.

В завершении 2000 г., 29 ноября, на состоявшемся V Всероссийском съезде

² Носков И.Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 7.

³ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/841>

⁴ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/843>

⁵ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/842>

⁶ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/844>

⁷ Там же.

судей среди прочих вопросов организационного характера в деятельности судебной власти впервые обсуждались потенциальные возможности реализации принципов публичности и гласности правосудия. Данная деятельность рассматривалась Съездом не только как внутреннее направление текущей работы судов, но и как фундаментальный фактор организации постоянно действующего взаимодействия судов со средствами массовой информации. Благодаря выработке концептуальных положений в дальнейшем стало возможно принятие важнейшего документа начала 2000-х гг. — Постановления Совета судей РФ от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов (концепция информатизации)». В этот период были поставлены задачи развития документирования и документооборота в судах, которые заключались в ускорении работы по внедрению в эксплуатацию готовых программных средств в сфере судебного делопроизводства и ведения судебной статистики. Другим же органам судейского сообщества — советам судей субъектов РФ — Съездом было рекомендовано активно участвовать в создании Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие». Субъектом контроля по данному направлению в Совете Судей России стала Комиссия по информатизации и автоматизации работы судов.

Вопросы информатизации судебной деятельности являлись детерминантом обсуждений на всех последующих заседаниях Всероссийских Съездов судей. Делегаты состоявшегося 30 ноября — 2 декабря 2004 г. VI Всероссийского съезда судей из уст Президента РФ В.В. Путина услышали о «единстве технологии судебного делопроизводства» и о ближайшем начале реализации нового, современного уровня развития судов в связи с внедрением государственной автоматизированной системы «Правосудие»⁸. Председатель Верхов-

ного Суда РФ В.М. Лебедев выразил мнение присутствующих в лаконичной фразе: «...вопрос информатизации — это глобальнейший вопрос для нас»⁹. Через четыре года, 5 декабря 2008 г., на VII Всероссийском съезде судей, была зафиксирована точка роста — создание ГАС «Правосудие», которая объединила в единое информационное пространство все суды общей юрисдикции и систему Судебного департамента. И одновременно перспективное значение получили задачи обеспечения судов программно-техническими средствами видео-конференц-связи, дальнейшее развитие методики наполнения уже созданных и создающихся интернет-сайтов судов, внедрение систем «электронного правосудия». Отражением потребности судейского сообщества в создании законченной системы управления и технического сопровождения в сфере информатизации судебной деятельности стал п. 7 Постановления Съезда, посредством которого признано необходимым создание информационного центра по обеспечению эффективного использования и информационной безопасности ГАС «Правосудие»¹⁰.

Реалии второго десятилетия XXI в. поставили новые технологические задачи, непосредственно повлиявшие на формы ведения судебного делопроизводства. На VIII Всероссийском съезде судей (27.12.2012) были озвучены первые успехи организации применения СМС-уведомлений в судопроизводстве, использования инструментов электронной почты и электронной подачи копий (электронных образов) документов. В 2012 г. судьи-делегаты Съезда, представляющие все субъекты РФ, из содержания речи Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева ощутили векторы ближайшего будущего, связанные с возможностями использования электронной почты во всех судебных инстанциях, а также аудио-

⁸ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/846>

⁹ Там же.

¹⁰ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/850>

и видео-протоколирования судебных заседаний¹¹. Генеральный директор Судебного департамента А.В. Гусев в своем отчетном докладе позиционировал ГАС «Правосудие» как воплощение идеи электронного управления и электронного документооборота в системе судов общей юрисдикции¹². К концу 2012 г. посредством функционирования 85 тыс. автоматизированных рабочих мест осуществлялась реализация новейших направлений судебного делопроизводства, в том числе отображение информации о движении судебных дел на официальных сайтах судов, подготовка текстов судебных актов к публикации и размещению на сайтах судов, организация работы приемных в судах (на основании реализации аналитической ведомственной целевой программы «Организация приемных в федеральных судах общей юрисдикции» на 2010–2011 гг.) и т.д. По сути, фиксация факта успешного внедрения общефедеральных электронных систем в деятельность федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов явилась отправным началом возникновения понимания судебной деятельности обеспечительного характера, осуществляемой непосредственно в судах, в ходе профессионального сопровождения судопроизводства — судебного администрирования. Его фундаментальными основаниями стал комплекс разнопорядковых правил и методик в сфере традиционного бумажного судебного делопроизводства, ведомственных программно-информационных информационных систем и баз данных, а также начал государственной гражданской службы. При этом фактически Съездом был проецирован вектор диалектического развития — постепенный и выверенный отказ от бумажного документирования и документооборота в судебной деятельности. Благодаря

¹¹ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/9096>

¹² Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/9253>

заинтересованному обсуждению членами судейского сообщества возможного содержания электронных платформ в организации судебной деятельности, спустя несколько лет после проведения VIII Всероссийского съезда судей была разработана Концепция развития информатизации судов до 2020 г.¹³ Важным шагом в совершенствовании документационного обеспечения правосудия явилось обозначение проблемы хранения судебных дел и материалов. Впервые в постановлении Съезда была обозначена существующая реальность в организации ведомственного ведения архивного дела — пробел в регулировании порядка передачи судебных дел на государственное хранение в субъектах РФ. Была зафиксирована сложившаяся по всей стране практика «предложений» со стороны государственных архивных служб в субъектах РФ о приеме судебных дел постоянного срока хранения исключительно на возмездной основе. В постановлении VIII Съезда решение данного противоречия виделось в создании региональных (межрегиональных) архивов судов.

IX Всероссийский съезд судей, состоявшийся 7 декабря 2016 г., признав зафиксированные в отчетных докладах достижения, закрепил курс на обеспечение открытости и прозрачности правосудия путем внедрения современных информационных и электронных технологий в деятельность судов. Съездом были обозначены недостатки в содержании размещения мировыми судьями текстов судебных актов в сети Интернет. Необходимость их преодоления, по мнению судейского сообщества, была обоснована соблюдением единых требований Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹⁴.

¹³ Концепция развития информатизации судов до 2020 г. (утв. Президиумом Совета судей Российской Федерации от 19.02.2015 № 439) // СПС «Гарант».

¹⁴ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о дея-

В том числе делегаты Съезда получили информацию о направлении в Правительство РФ Президиумом Совета судей постановления о подготовке поручений органам государственной власти субъектов РФ о принятии дополнительных мер по кадровому и материально-техническому обеспечению судебных участков мировых судей¹⁵. В целом, учитывая положения ст. 10 Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»¹⁶, IX Всероссийский съезд судей определил имевшиеся успехи в оказании методической помощи органам исполнительной власти субъектов РФ в нормативно-правовом обеспечении деятельности мировых судей. Эти выводы имели особую важность в условиях унификации систем судебного документооборота и обеспечения единообразия требований к документированию информации, в том числе в сфере ведения ведомственного статистического наблюдения об осуществляемом правосудии, функционирования СУД¹⁷ в каждом суде. Задачи дальнейшего совершенствования судебных извещений, как одного из конструктивных направлений обеспечения применения процессуального законодательства, были определены IX Всероссийским съездом судей. Новая высота в информатизации судебной деятельности была поставлена в рамках формирования юридически значимого консолидированного информационного ресурса сведений по делам со всеми вынесенными процессуальными, в том числе исполнительными, документами¹⁸. Также не потеряла своей актуальности ИТ-задача перевода доку-

ментов судов на бумажных носителях в электронный вид. Статус переходящего фактически был присвоен и вопросу об организации взаимодействия с компетентными в сфере архивного дела в субъектах РФ.

Организация электронного документооборота, широко использующего усиленную квалифицированную электронную подпись, в решении IX Всероссийского съезда судей РФ была справедливо связана с созданием Удостоверяющего центра ГАС «Правосудие». Данное достижение позволило организовать документопотоки судебных актов в новом формате и существенно продвинуться в качественном содержании судебного администрирования. В совокупности с организацией электронного межведомственного взаимодействия (ФНС России, ФССП России, Росреестра и т.д.), в том числе в стадии завершения и апробации данных работ, судебским сообществом были положительно восприняты итоги деятельности федерального государственного органа — Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Работа всех Съездов судей так или иначе касалась вопросов организации служебной деятельности работников аппарата судов и системы Судебного департамента — норм нагрузки, статуса отдельных должностей (помощников судей, госслужащих, обеспечивающих работу приемных судов и взаимодействие со средствами массовой информации, администраторов судов), а также содержания проблем оплаты их труда, профессиональной подготовки и повышения квалификации. IX Всероссийский съезд судей РФ в своем постановлении признал целесообразным выделение судебной службы в отдельный вид государственной службы.

Направляющая деятельность Всероссийских съездов судей позволила создать работоспособную систему современного судебного администрирования, нормальное состояние которой — постоянная модернизация. Основными характеристиками в трансформации

тельности судов в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2017) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть 1). Ст. 6217.

¹⁵ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/22832>

¹⁶ Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2018) // СЗ РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

¹⁷ См. подр.: Латышева Н.А. СУД в суде // Российский судья. 2019. № 1. С. 37–41.

¹⁸ Официальный сайт Совета судей Российской Федерации. URL: <http://ssrf.ru/siezd-sudiei/22596>

содержания решений Съездов относительно обеспечительных вопросов деятельности судей стали: 1) безусловное целевое ориентирование на исполнение принципов функционирования демократического правового государства в ходе организации деятельности судебной ветви государственной власти; 2) выработка направлений принципиально необходимых организационных действий в сфере реализации государственных полномочий по обеспечению правосудия (в том числе в условиях стандартизации деятельности аппарата суда¹⁹), а также обеспечение контроля их исполнения; 3) продвижение идеи информатизации обеспечения правосудия как основы судебной деятель-

ности вспомогательного характера, а также интеграции автоматизированных систем²⁰ делопроизводства иных органов государственной власти; 4) анализ содержания вопросов материально-технического обеспечения судов с целью поддержания темпов развития судебного администрирования и их ускорения; 5) информационная открытость и стремление к конструктивному диалогу, отсутствие режима «замалчивания проблем» в ходе реализации идеи эффективности судебной деятельности и организации работы суда, ориентированной на гражданина²¹.

¹⁹ Бурдина Е.В., Чижов М.В. Стандартизация деятельности аппарата суда как способ повышения эффективности судебной власти и доверия к суду // Администратор суда. 2019. № 2. С. 19–23.

²⁰ Капустин О.А. Влияние использования информационных технологий в федеральных судах общей юрисдикции на перспективы изменения территориальной судебной организации // Администратор суда. 2019. № 2. С. 4.

²¹ Бурдина Е.В. Судейская этика как средство предотвращения коррупционных проявлений в деятельности судов // Российский судья. 2019. № 12. С. 52.

Литература

1. Бурдина Е.В. Стандартизация деятельности аппарата суда как способ повышения эффективности судебной власти и доверия к суду / Е.В. Бурдина, М.В. Чижов // Администратор суда. 2019. № 2. С. 19–23.
2. Бурдина Е.В. Судейская этика как средство предотвращения коррупционных проявлений в деятельности судов / Е.В. Бурдина // Российский судья. 2019. № 12. С. 51–55.
3. Капустин О.А. Влияние использования информационных технологий в федеральных судах общей юрисдикции на перспективы изменения территориальной судебной организации / О.А. Капустин // Администратор суда. 2019. № 2. С. 3–8.
4. Латышева Н.А. СУД в суде / Н.А. Латышева // Российский судья. 2019. № 1. С. 37–41.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-tq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Конституционно-правовой статус судей и его влияние на особенности их уголовного преследования

Романенко Наталья Валерьевна,
доцент кафедры судебной деятельности
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук
bvm@ekbobsud.ru

В статье исследуются особенности уголовного преследования лиц, обладающих статусом судьи, которые обусловлены их конституционно-правовым статусом. Автор акцентирует их цель — обеспечение независимости судьи от необоснованного уголовного преследования, обособляя его от обоснованного, основания которого не подтвердились. Также обосновывается утверждение, что специфика конституционно-правового статуса судьи накладывает на судей повышенные меры ответственности, в том числе расширяет для судей понятие «привлечение к уголовной ответственности».

Ключевые слова: статус судьи, неприкосновенность судьи, независимость судьи, уголовное преследование судьи, уголовная ответственность судьи.

The Constitutional Law Status of Judges and Its Influence on Peculiarities of the Criminal Prosecution of Judges

Romanenko Natalya V.
Associate Professor of the Department of Judicial Activities
of the Ural State Law University
PhD (Law)

The article examines the features of criminal prosecution of persons with the status of a judge, which are determined by their constitutional and legal status. The author emphasizes their goal — to ensure the independence of the judge from unjustified criminal prosecution, separating him from the justified, the reasons for which were not confirmed. It also substantiates the assertion that the specificity of the constitutional legal status of a judge imposes increased liability measures on judges, including expanding the concept of "criminal prosecution" for judges.

Keywords: status of a judge, immunity of a judge, independence of a judge, criminal prosecution of a judge, criminal liability of a judge.

Сфера уголовного судопроизводства, в отличие от судопроизводства иного вида, традиционно сопряжена с повышенным риском ограничения конституционных прав личности. Это обусловлено возможностью применения в его рамках мер уголовно-процессуального принуждения, а также назначения уголовного наказания. Его осуществление может влечь для конкретного лица выходящие далеко за рамки уголовно-процессуальных отношений последствия, такие как судимость, применение мер административного надзора, рецидив, репутационный ущерб, ограничения в реализации тру-

довых, семейных прав и пр. Полагаем, что каждое лицо, посягающее на сферу интересов, охраняемых уголовным законом, подвергается в равной мере риску этих последствий при осуществлении уголовного преследования со стороны государственных органов.

Не являются исключением и представители судебной власти, хотя они являются лицами, обладающими конституционно-правовым статусом, обусловленным наделением их исключительными полномочиями по отправлению правосудия, решением публично-правовых задач, стоящих перед судебной властью. Как было отмечено

М.И. Клеандровым, конституционно-правовой статус судей (в России он определен ст. 10, 119–122, 128 Конституции РФ) предопределяется тем, что судьи осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, представителями которой являются, при этом «главным с точки зрения обеспечения правомочий компонентом статуса судьи является правовой компонент, а ядром его непосредственно служит конституционный компонент»¹.

Конституционный статус судьи является основой независимости и самостоятельности судебной власти; в свою очередь, независимость судьи является гарантией справедливого правосудия, атрибутом правового государства, конституционно закрепленным принципом, признаваемым и охраняемым международным сообществом. Поэтому независимость судебных органов и представителей судебной власти особо охраняется государством. Согласимся с мнением, что «суть правовых гарантий статуса судьи состоит в стремлении обеспечить ему такие условия, в которых суд и работающие в нем судьи могли бы иметь реальную возможность принимать ответственные решения... без постороннего вмешательства. Без какого бы то ни было давления и иного воздействия, на прочной основе предписания закона и только закона»².

Защита независимости судьи от постороннего вмешательства, от каких бы то ни было посягательств извне объективно необходима ему в силу его возможности принять обязательный к исполнению правовой акт (решение), в силу возможности обеспечить принудительное исполнение этого акта при неисполнении его в добровольном порядке, подвергнув при этом соответствующих лиц мерам юридической

ответственности вплоть до уголовной (ст. 312–315 УК РФ). Не всегда это обязательное к исполнению решение желательно, благоприятно, выгодно для того лица, в отношении которого оно вынесено. Лица, в отношении которых предпринимаются отмеченные выше действия, вполне обоснованно могут испытывать беспокойство, недовольство, страх, желание избежать их совершения или воспротивиться им, в том числе путем оказания встречного давления на судью, манипулирования им в связи с принятием решений, на основании которых совершаются эти действия. Одним из вариантов такого манипулирования или давления может быть осуществление заведомо необоснованного уголовного преследования судьи — преследования для воспрепятствования его законной деятельности, принуждения к изменению ее характера либо из мести за нее.

Правовая основа особого порядка уголовного преследования судей заложена в ст. 122 Конституции РФ, где закреплено, что судья не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом. Как видится, данное положение при всей его справедливости не отражает в полной мере идею специфики судейского статуса, поскольку не только судья, но и никто другой не может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в порядке, определяемом федеральным законом. Это положение является одним из элементов права каждого на судебную защиту, гарантированного в демократическом правовом государстве. В Российской Федерации, в отличие от некоторых других стран, уголовная ответственность и порядок привлечения к ней установлены исключительно федеральным законом — ни подзаконные акты, ни законы субъектов РФ не могут регулировать эту сферу деятельности (п. «о» ст. 71 Конституции РФ, ч. 1 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

Более корректно, как представляется, было бы говорить о том, что судья не

¹ Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М.М. Славина. М.: Норма, 2008.

² Шабанов П.Н. Правовые гарантии статуса судьи как предпосылка его независимости в уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Право. 2008. № 2. С. 323–332.

может быть привлечен к уголовной ответственности иначе как в специальном порядке, определяемом федеральным законом, обусловленном особым статусом судьи, необходимостью соблюдения гарантий его независимости, подразумевая при этом, что особенности этой процедуры, оформленные в охранительный институт неприкосновенности, предусмотрены главой 52 УПК РФ, а также Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее — Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»). Весьма убедительным в этой связи выглядит авторитетное мнение И.Л. Петрухина: признание государством принципа неприкосновенности и безопасности судьи (судейского иммунитета) является одной из форм обеспечения беспристрастности судебной власти³.

Для реализации функций уголовного судопроизводства и достижения его социального назначения необходимо приобретение его участниками уголовно-процессуального статуса, наделяющего их определенными полномочиями в рамках этих функций. Судья в данных правоотношениях, будучи лицом, причастность которого к совершению преступления проверяется (подозреваемым или заподозренным), должен иметь возможность участвовать в доказывании, оспаривать (опровергать) предъявленные ему подозрения, обжаловать принятые в отношении него решения, то есть выполнять подфункции, относящиеся к функции защиты⁴. Отсюда очевидно пересечение конституционно-правового статуса судей (как носителей судебной власти) с уголовно-процессуальным статусом (как участников уголовного судопроизводства со стороны защиты), возникающего в случаях осуществления уголовного судопроизводства в отношении них.

³ См. подр.: Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М.: ТК Велби, 2003. С. 226.

⁴ См. подр.: Борова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

Уголовно-процессуальный статус судьи, как и иного участника уголовного судопроизводства со стороны защиты, возникает в случае уголовного преследования за собственное противоправное, общественно опасное, уголовно наказуемое деяние. Конституционно-правовой статус судьи как лица, осуществляющего публично-правовые задачи судебной власти, обуславливает гипотетическую возможность его уголовного преследования за деятельность, связанную с исполнением профессиональных полномочий, за выраженное при осуществлении правосудия мнение, принятое судом решение, позицию, занимаемую судьей при осуществлении им судебских полномочий. Такое уголовное преследование необходимо считать необоснованным, а законодательство должно содержать конкретные процессуальные средства, препятствующие ему. Именно от такого преследования предусмотрена охранительная норма п. 8 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», составляющая основу их должностной неприкосновенности, одной из составных частей которой является механизм проверки обусловленности уголовного преследования деятельностью судьи по отправлению правосудия.

При этом необходимо учитывать, что обстоятельства причастности судьи к совершению преступления, имевшиеся в начале и обосновывающие необходимость уголовного преследования, впоследствии могут не подтвердиться. Это может быть связано с тем, что уголовное судопроизводство — специфическая процессуальная деятельность, в которую вовлекаются квалифицированные органы борьбы с преступностью, обладающие полномочиями в рамках специальных процессуальных форм проверить обстоятельства, связанные с совершением преступления: установить факты, входящие в круг предмета доказывания, собрать, исследовать и оценить доказательства, обосновать утверждение о виновности или невинности лица в совершении

преступления. Только в рамках уголовного судопроизводства вступают в действие специальные принципы, позволяющие обеспечить максимальную защиту прав участников процесса (в том числе презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту, право на оказание квалифицированной юридической помощи). Только здесь действуют сокращенные по сравнению с другими видами судопроизводства сроки на обжалование принятых по делу решений; только в ходе уголовного судопроизводства могут быть проверены доводы о несовершении субъектом преследования вменяемых ему деяний, о наличии или отсутствии умысла на их совершение, об истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, о возможности применения акта амнистии и пр. При этом сам субъект уголовного преследования как активный участник судопроизводства, наделенный широким перечнем процессуальных прав, не лишен возможности совершать действия, направленные на реализацию своей линии защиты.

Как представляется, неподтверждение имевшегося в начале подозрения неприкосновенного лица в совершении преступления не делает такое уголовное преследование необоснованным, а смешение этих видов преследования недопустимо в силу их разнопорядковых изначальных целей. Кроме того, отграничение необоснованного преследования от обоснованного, основания которого впоследствии не подтвердились, обусловливается еще и тем, что правовым механизмом защиты от последнего является не институт неприкосновенности, а общий порядок судопроизводства и реализация мер уголовно-процессуальной реабилитации.

В свою очередь, привлечение к уголовной ответственности реализуется в форме государственного принуждения путем возложения на лицо, совершившее преступление, в том числе обладающее статусом судьи, обязанности поне-

сти за это неблагоприятные последствия в виде установленных уголовным законом лишений или ограничений своих прав и свобод⁵. При этом содержанием ответственности следует признавать осуждение лица, совершившего преступление, от имени государства, состояние его судимости и создание гарантий прав осужденного⁶. Формы возложения уголовной ответственности, в том числе на судей, могут быть связанными не только с назначением наказания, но и с освобождением от его отбывания. Также возможны ситуации, когда начавшееся привлечение к уголовной ответственности не реализуется: в частности, при освобождении судьи от нее и прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным уголовным законом, в том числе нереабилитирующим, например, в случае деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ), примирения с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечения сроков давности (ст. 78 УК РФ), применения акта амнистии (ст. 84 УК РФ), назначения судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). Освобождение от уголовной ответственности судьи, как и любого другого лица, совершившего преступление, представляющее собой отказ государства от ее реализации (в частности, от осуждения и наказания за совершение преступления⁷), воплощает принципы справедливости и гуманизма.

С учетом конституционной специфики судейского статуса это сугубо уголовно-процессуальное действие влечет характерные судоустройственные последствия: возбужденное и прекращенное по нереабилитирующим основаниям уголовное дело, даже если

⁵ См. подр.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / Д.И. Аминов, Л.Д. Гаухман, Ю.С. Жариков и др. : под ред. В.П. Ревина. 4-е изд., испр. и доп. М. : Юстицинформ, 2016.

⁶ Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 89.

⁷ Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Гарант».

оно не закончится осуждением, является несочетаемым со статусом судьи и исключает возможность его принадлежности к судейскому сообществу. Причем поскольку Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» устанавливает единые требования как к действующим судьям, так и к судьям, пребывающим в отставке, то после нереабилитирующего прекращения уголовного преследования уход в отставку или продолжение отставки выглядят так же противоестественно, как и продолжение осуществления судьей, находящимся под следствием, своих полномочий. И хотя подп. 8 п. 1 ст. 14 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» обязывает прекращать полномочия судьи только в случае вступления в законную силу в отношении него обвинительного приговора либо судебного решения о применении к нему принудительных мер медицинского характера, а подп. 5 п. 6 ст. 15 этого закона обязывает прекращать его отставку лишь при вступлении в законную силу обвинительного приговора суда в отношении него, однако согласно взаимосвязанным положениям п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 15 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» не только действующим судьей, но и судьей в отставке не может быть лицо, имеющее или имевшее когда-то судимость, а также лицо, уголовное преследование в отношении которого было прекращено по любым нереабилитирующим основаниям. То есть констатация факта совершения судьей преступного деяния, достаточная для прекращения его конституционно-правового статуса, допустима и без вынесения обвинительного приговора. Отсюда прекращение уголовного преследования судьи по любому нереабилитирующему основанию, будучи несовместимым со статусом судьи, равносильно для него состоянию судимости.

Указанное обстоятельство является дополнительным подтверждением того, что важным элементом конституционно-правового статуса судьи выступают

не только права и привилегии, но и повышенные обязанности, ограничения и ответственность. Как справедливо отмечается учеными, «независимость судьи означает свободу от незаконного воздействия в связи с судебным делом, находящимся в его производстве»⁸, следовательно, «обеспечение независимости лица, наделенного судейскими полномочиями, — это общая стратегическая „сверхцель“ государственной политики правового регулирования статуса гражданина (судьи), интегрирующая тактические цели государственной политики каждого этапа динамики статуса гражданина (судьи)»⁹. В то же время нельзя не учитывать, что независимость судей не является абсолютной, самозамкнутой категорией, и поиск баланса между независимостью и ответственностью судьи является одной из важнейших сфер исследования ученых¹⁰.

Таким образом, конституционно-правовая составляющая статуса судей в Российской Федерации оказывает существенное влияние на возможность реализации уголовно-процессуальных правоотношений применительно к ним, в частности: а) повышает риск подвергнуться уголовному преследованию за деятельность, связанную с исполнением профессиональных полномочий; б) делает необходимым правовую идентификацию категории «необоснованное уголовное преследование» и установление защиты от него усложненными механизмами уголовного преследования

⁸ Бозров В.М. Независимость судьи и доктринально-правовое заключение ученого // Право и политика. 2013. № 11. С. 1508–1510.

⁹ Ермошин Г.Т. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости // Российский судья. 2012. № 6. С. 10–16; № 7. С. 10–16.

¹⁰ См., напр.: Терехин В.А., Козырькова Т.В. Некоторые проблемы легитимности судебной власти в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12; Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судейского сообщества? // Lex Russica. 2014. Т. 96. № 11; Рожкова М.А. Независимость судей как гарантия беспристрастного применения закона // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5; и др.

(специальным порядком привлечения к уголовной ответственности); в) расширяет для судей понятие «привлечение к уголовной ответственности», обуславливая уголовно-процессуальные действия судоустройственными последствиями и исключая возможность принадлежности лица к судебскому

сообществу после любого уголовного преследования, не закончившегося по реабилитирующим основаниям; г) накладывает на судей повышенную меру ответственности и обуславливает необходимость баланса между обеспечением независимости и ответственности судьи.

Литература

1. Борова Д.М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве : диссертация доктора юридических наук / Д.М. Борова. Ростов-на-Дону, 2011. 439 с.
2. Бозров В.М. Независимость судьи и доктринально-правовое заключение ученого / В.М. Бозров // Право и политика. 2013. № 11. С. 1508–1510.
3. Бурдина Е.В. Форма дисциплинарного органа для судей: дисциплинарный суд или орган судебского сообщества? / Е.В. Бурдина // Lex Russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 11. С. 1360–1366.
4. Ермошин Г.Т. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости (Часть 1) / Г.Т. Ермошин // Российский судья. 2012. № 6. С. 10–16.
5. Ермошин Г.Т. Статус судьи как организационно-правовая форма обеспечения его независимости (Часть 2) / Г.Т. Ермошин // Российский судья. 2012. № 7. С. 10–16.
6. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / М.И. Клеандров ; под редакцией М.М. Славина. Москва : Норма, 2008. 446 с.
7. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации: диссертация кандидата юридических наук / И.П. Лесниченко. Ростов-на-Дону, 2005. 178 с.
8. Рожкова М.А. Независимость судей как гарантия беспристрастного применения закона / М.А. Рожкова // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5. С. 156–160.
9. Судебная власть / под редакцией И.Л. Петрухина. Москва : ТК Велби, 2003. 720 с.
10. Терехин В.А. Некоторые проблемы легитимности судебной власти в Российской Федерации / В.А. Терехин, Т.В. Козырькова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 41–48.
11. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Д.И. Аминов, Л.Д. Гаухман, Ю.С. Жариков [и др.] ; под редакцией В.П. Ревина. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Юстицинформ, 2016. 579 с.
12. Шабанов П.Н. Правовые гарантии статуса судьи как предпосылка его независимости в уголовном процессе / П.Н. Шабанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 323–332.

Центр редакционной подписки:

тел. (495) 617-18-88 – многоканальный

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru